

eISSN 2311-2468
Том 5, № 8. 2017
Vol. 5, no. 8. 2017

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн

Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

САЙГУТИНА К. И., ТРОСТИНА М. А.

**«ГРОЗОВЫЕ» ОБРЯДЫ МОРДВЫ (НА ФОЛЬКЛОРНОМ МАТЕРИАЛЕ
СЕЛА МОРДОВСКИЕ ПАРКИ КРАСНОСЛОБОДСКОГО
РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)**

Аннотация. В статье описываются представления мордвы о боге грома, рассматриваются совершаемые во время грозы народные обряды, направленные на заключение компромисса между человеком и силами природы. Изучение «грозового» обряда расширяет представление о суевериях, традициях и культуре мордвы.

Ключевые слова: обряд, мифология, божество, мордва, традиция.

SAIGUTINA K. I., TROSTINA M. A.

**THUNDERSTORM RITES OF THE MORDVA (BASED ON THE FIELDWORK DATA
COLLECTED IN MORDOVSKIE PARKI VILLIAGE OF KRASNOSLOBODSKY
DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA)**

Abstract. The article describes the views of the Mordva about the god of thunder. The authors study the rites performed during the thunderstorm aimed at arranging a compromise between the man and the forces of nature. Studying of the thunderstorm rites contributes to the knowledge of superstitions, traditions and culture of the Mordva.

Keywords: rite, mythology, deity, Mordva, tradition.

Мифология мордвы – тема актуальная для нас прежде всего потому, что мы являемся частью мордовского народа и обязаны знать его традиции. Но еще и потому, что ее изучение позволит выявить истоки тех суеверных представлений, которые живы в нас по сей день. Известно, что мордва долгое время поклонялась разного рода божествам, как высшим, так и низшим. Поклонение богам организовывало семейно-бытовую и хозяйственную деятельность народа, способствовало созданию порядка в доме и обществе, регламентировало отношения людей не только с миром природы, но и внутри коллектива. При этом мордва большее внимание уделяла не Верховному богу, а иным сакральным силам, находившимся ближе к человеку, поэтому имевшим большее значение для его хозяйственной жизни. Прежде всего, это существа, олицетворяющие явления окружающей среды – Вирява, Вармава, Паксява и т.д.

Божества мордвы и ее суеверные представления становились предметом исследования в работах П. И. Мельникова-Печерского, Т. П. Девяткиной, Н. Ф. Мокшина и т. д [1; 2; 3; 4]. Так, бог грозы Пурьгинепаз представлен Т. П. Девяткиной в «Мифологии мордвы» кривоногим, с небес на землю его сбросили эрзянский бог Чипаз с женой Анге Патяй [1], а

В. Я. Петрухин предполагает, что это приемный сын или зять Нишкепаза, он вооружен луком-радугой и каменными стрелами [4]. Несмотря на разную трактовку мокшанским и эрзянским народами божества грома и молнии, в нем остается неизменной его карающая сила. По этой причине люди боялись грозы, обращались к богу с молитвенными просьбами и проводили обряды жертвоприношения (чаще всего это были куры) [1, с. 98–100]. Исследователи описывают и некоторые обряды и приметы, связанные с грозой, например Т. П. Девяткина приводит такой обычай: «При первом громе было принято вытряхивать на улице одежду, чтобы весь год не было блох» [Там же].

Между тем, тема не видится нам исчерпанной, во-первых, потому что до сих пор не создано целостного исследования, посвященного данному божеству. Во-вторых, потому что изучение грозового обряда расширит представление о суевериях, традициях и культуре мордвы и русских, проживающих на общей территории много веков. И, в-третьих, потому что до сего дня в отдельных мордовских селах людьми старшего поколения еще совершаются обряды, направленные на заключение компромисса между человеком и силами природы. Один из них – «грозовой» обряд, проводимый во время летних дождей, сопровождаемых молниями и громом.

Обряд адресован одному из самых важных небесных покровителей мордовского народа – божеству грома и молнии. В мокшанской мифологии его именуют Ёндопаз («ёндол» – молния, «паз» – бог) или Атямшкой («атям» – гром, «шкой» – бог), а в эрзянской – Пурьгинепаз («пурьгине» – гром, «паз» – бог). Пурьгинепаз представал в сознании людей как небесный бог, у которого в левой руке – гром, в правой – молния. Основная функция этого мифологического персонажа – владычество над громом, молнией и дождем. После принятия христианства Пурьгинепаз (или Ёндопаз) стал отождествляться с Ильёй-пророком – христианским покровителем грома и дождя.

В мифах бог грома выступает в образе красивого юноши или черного человека с горящими, как огонь, глазами [1]. Пурьгинепаз, как родственные ему божества других мифологий, равнодушен к красоте земных девушек, которых он похищает во время визита на землю и уносит на небо, чтобы сделать их своими женами. Так, в эпосе Александра Марковича Шаронова «Масторава» встречается следующий эпизод:

*Стирьхне яфодезь Литовань
Менельть серес нинге весть
Абондсть ялганза, мьзярда
Менельть эзда валгсь нюрямсь
Ашель эсонза Литова
Соньфтомонза валгсь нюрямсь<...>*

*Лийсь Литова Атямикайти
Эста пялонза сувась.
Атямсь арась атявозькс,
Атям бабась – авозь бабакс
Ёндол арась теенза мирдекс [3].*

*Подруги Литову
До неба еще раз на качелях подкинули,
Удивились подруги, когда
С неба спустились качели
Без Литовы.*

*Улетела Литова к богу Грома.
К нему она тогда зашла.
Гром ей стал свекром,
Баба Грома – свекровью,
Молния стала мужем ей.*

До сегодняшнего дня природная громовая стихия вызывает страх у людей, особенно у сельского населения. Старые люди продолжают связывать гром и молнию с действиями небесных божеств, совершая обряды-обереги, известные им с детства.

Так, жители села Мордовские Парки Краснослободского района называют бога Грома – Ёндолатя. Его имя происходит от слов «ёндол» и «атяма», которые впоследствии слились в единое целое (ёндол – «молния»; атя, атяма – «старик», «гром»). Старики описывают его как властного и жестокого старика с длинной серой бородой и искрящимися глазами. В руках у него посох, которым он стучит по облакам: *«Меляфтса тейне щавазе корхнель Ёндолатять колга. Кда аньцек цяторгоды ёндолсь, эрявь ласькома эрязста паксяста, кда колмоксть цяторгоды, а тон шлядеть ульцяса, марнек кяженц лангост нолдасы. Сон тага пяк ни кяжиель стирьхнень лангс, салсезень эстиенза, менельти, сясы щавазе мярьгондсь кулят атяма – вишкста куду» [7]. «Помню, мне моя бабушка по материнской линии говорила о Ендолате. Как только свернёт молния, нужно было быстро бежать с поля, а если три раза сверкнёт, а ты еще на улице, то весь гнев на тебя пустит. Он еще очень уж зол на молодых девушек, похищал их себе на небо, поэтому бабушка говорила, услышишь гром – беги домой» (перевод с мокиш. здесь и далее – авторов).*

Несмотря на страх перед молнией, люди постепенно научились «усмирять» своего бога. Проводимый обряд включал в себя ритуальное выбрасывание из крестьянского жилища металлических предметов домашней утвари, прежде всего, сковороды и кочерги,

сопровожаемое произнесением заклинания, адресованного божеству и содержащего угрозу, свидетельствующую об отсутствии страха у исполнителя обряда:

«Ёндольт пингста эряволь сявомс кудаста коцькаргать и пачкалга, лисемс ульцяв и мярьгомс валхт:

*Ёндолятя, панте коцькаргаса(эрьхнесыненъ),
Ёндолятя, аф пелян эздот,
Кяжи шицень сяськса коцькаргаса,
Цярахманцень солафтса пачкалга лангса» [8].*

«Во время грозы нужны было взять кочергу и сковороду, выйти на улицу и сказать:

*Гром-молния, прогоню тебя кочергой,
Гром-молния, не боюсь тебя,
Злость твою прогоню кочергой,
Град на сковороде растоплю я».*

С принятием христианства многие люди перестали верить в Ёндоппаза, для них появился новый персонаж – Ильге-пророк (Илия Пророк), который обрел облик защитника-змееборца. Илия Пророк представлялся справедливым и жестоким. Считалось, что он поджигает дом или убивает скот только у тех людей, которые совершили много зла. Хотя он и стал для народа защитником, бояться молнии люди так и не перестали. Все так же они не мылись во время грозы, не бегали с ведрами, не показывали пальцем в небо, не ели, не шутили и не смеялись: *«Кодак ёндолсь кфчади, кода сиретне мерьгондсть, тядя шара шава ведоркаса, шава ведоркась ся роди тозы максы, атямась может тозы ляцемс, ся шава ведоркати и аньцек ёндолсь кфчади «Осподи исусе кристоз» се обязательно стане роди утихает» [6]. «Как только сверкнет молния, как рассказывали старики, не бегайте с пустыми ведрами, пустые ведра это будто туда даст, гром может туда ударить, этому пустому ведру и только сверкнет «Господи Исусе Христос» и это обязательно так вроде бы утихает».*

В памяти информантов сохранились воспоминания об обрядах, умиряющих пожар, возникший в результате попадания молнии: *«Кда кудост лятсь молниясь, эряви сявомс пасхань алть и тя алть мархта шаромс марнек кудть. Тянь мяльге толсь матондондсь» [8]. «Если молния попала в твой дом, нужно было взять пасхальное яйцо и этим яйцом оббежать весь дом. После этого пожар утихал».*

Самые сильные грозы связывались народом с Ильиным днем – 2 августа, когда, по народным представлениям, Илья-пророк демонстрировал свою силу и мощь, проезжая по небу на колеснице. Из-под ее колес вылетали искры, сама она сильно гремела, что и

вызывало молнию с последующими грозовыми раскатами на земле. Старые люди говорили, что Илья Пророк дату своего дня не знает, иначе бы гневу его не было границы [6].

Несмотря на то, что названное божество вселяло в людей страх, жители села в период засухи вызывали дождь с громом и молнией. В этом обряде традиционно участвовали старые бабки и дети. Нужно было с иконами пройти по берегу пруда или речки с молитвой, содержащей просьбу о божьей милости.

«Первайкивок эряви модемс родникть ваксс, родникть ваксса мле тоса озондыхть, якайхть оцю веттненди и корхнельхть:

Шкабавазкяй-кормильцкяй

Макст цебарь пиземня

Максть цебарь атяманя, штоба аф сяда кяжи

Пара кизоня улеза» [6].

«Сначала надо сходить к роднику, у родника там молятся, ходят на большие водоемы и говорили:

Бог-кормилец,

Дай хороший дождь,

Дай хороший гром, чтобы не сильно злой,

Чтобы хорошее лето было».

В последние два-три десятилетия «грозовые» обряды претерпели существенную трансформацию. По мнению старожиллов, и таких сильных гроз теперь нет, и знающих людей становится все меньше. Теперь во время грозы принято читать «Богородицу» и после каждого удара грома произносить: «Господе Иисусе Христе».

В целом обозначенная тема является перспективной для дальнейшего исследования, поскольку ее изучение позволит найти истоки народных суеверий, а также описать типологическое сходство и различие подобных обрядов у разных народов, и прежде всего у русских и мордвы с целью выявления путей взаимодействия и взаимопроникновения элементов духовной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девяткина Т. П. Мифология мордвы: энциклопедия. – Саранск: Красный Октябрь, 2007. – 332 с.
2. Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 136 с.
3. Масторава / сост. А. М. Шаронов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. – 488 с.

4. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. – 160 с.
5. Петрухин В. Я. Мордовская мифология // Мифы финно-угров. – М., 2005. – С. 292–335.
6. Полевой материал автора. Информант З. Н. Базаркина, 1953 г.р. – Республика Мордовия, Краснослободский район, с. Мордовские Парки. Записана в октябре 2016 г.
7. Полевой материал автора. Информант М. Л. Байкова, 1926 г.р. – Республика Мордовия, Краснослободский район, с. Мордовские Парки. Записана в октябре 2016 г.
8. Полевой материал автора. Информант В. И Сайгутина, 1965 г.р. – Республика Мордовия, Краснослободский район, с. Мордовские Парки. Записана в октябре 2016 г.

СИДОРОВА А. А.

**СПЕЦИФИКА ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
РОМАНА М. ПЕТРОВА «РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ»**

Аннотация. В статье рассматриваются структурно-содержательные составляющие романа М. Петрова «Румянцев-Задунайский» по жанрово-стилевым характеристикам определяемого как историко-биографическое повествование. Объективно оценивается его место в мордовском историко-литературном дискурсе.

Ключевые слова: историко-биографическое повествование, дискурс, роман, историческая личность, биографические данные.

SIDOROVA A. A.

**SPECIFICS OF HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL DISCOURSE
OF THE NOVEL "RUMYANTSEV-ZADUNAISKY" BY M. PETROV**

Abstract. The article focuses on the structural and content components of the novel "Rumyantsev-Zadunaisky" by M. Petrov. According to the genre and style characteristics, the novel is defined as a historical and biographical narrative. The author objectively considers its place in the Mordovian literary and historical discourse.

Keywords: historical and biographical narrative, discourse, novel, historical personality, biographical data.

В настоящее время одной из актуальных проблем национальной исследовательской науки признается вопрос об «эстетических принципах формирования историко-биографического нарратива как оригинального явления художественного творчества» [1, с. 31], получившего множество интерпретаций и определений. Нам наиболее близка позиция Ю. Г. Антонова и С. В. Шеяновой, в научной рефлексии которых «историко-биографический жанр – это своеобразный художественный диалог эпох и культур, ...особая форма литературного творчества со своими законами поэтического и стилового функционирования. Художественная биография является внешним выражением внутреннего, поэтому формирование сюжета произведения подчинено не хронологии, а логике психолого-эстетического порядка...» [1, с. 32]. На наш взгляд, именно «диалогичность» историко-биографического дискурса, совмещение на платформе одного произведения исторического, культурного, общечеловеческого, национального, неповторимо индивидуального обеспечивает ему востребованность в читательской аудитории.

Биографическое начало в той или иной степени проникает в каждое эпическое повествование. Однако лишь мера его интенсивности позволяет причислить произведение к

биографической прозе. В рамках литературы Мордовии к таковым без сомнения относятся пьесы А. Пудина «Ой, куница играет...», «Четвертая Сибелиуса», «Дон Стефано», «Каназор», романы А. Доронина «Тени колоколов», «Кузьма Алексеев» и др. Оригинальные опыты историко-биографического осмысления прошлого, роли личности в истории представлены в творчестве М. Петрова, автора романов «Румянцев-Задунайский» (1976, 1979), «Боярин Российского флота» (1981), «Алена Арзамасская» (1991), трилогии «Красный колосс» (1988, 1989, 1993). По утверждению С. В. Шеяновой, «в произведениях М. Петрова можно увидеть единую авторскую линию в отражении истории, конфликтов и характеров, это более всего обнаруживается в стремлении писателя показать явления социальной жизни мордовского народа, человеческие судьбы в контексте событий и конфликтов мировой значимости» [6, с. 40].

В аспекте анализа различных составляющих романное целое, а также с позиции осмысления автором биографических фактов известной исторической личности в тесной взаимосвязи с историей Российского государства особый интерес представляет роман «Румянцев-Задунайский» [2; 3], в котором репрезентован образ прославленного российского полководца, генерала-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского (1725–1796). Страницы историко-биографического повествования вмещают широкие картины России послепетровской эпохи, ее международных отношений, экономики, политической жизни, внутриворцовых интриг, личных судеб известных исторических деятелей.

М. Петров основательно изучил документы того времени: переписку Екатерины II с графом П. А. Румянцевым-Задунайским, письма братьев Орловых, монографии, исторические исследования, воспоминания и даже анекдоты, имеющие отношение к прославленному флотоводцу, пытаясь воссоздать особый колорит времени и не допустить искажения фактов. Достоверность повествования повышает познавательное значение книги.

В романе разворачивается широкое историческое полотно, действует более 200 персонажей, все они важны для повествования, т. к. каждый играет свою особую роль. В произведении отражены все слои общества XVIII века (императорский двор, полководцы, дипломаты, жители столичных городов, крестьяне, солдаты). Повествование построено так, что воспоминания о прошлом прерываются реалиями и проблемами настоящего. Мир в романе словно делится на две половинки – белую и черную. На протяжении всего повествования читатель наблюдает борьбу добра и зла, благородства и подлости, мужества и трусости, корысти и бескорыстия. Посредством воспоминаний и размышлений А. И. Румянцева, отца Петра Александровича, автор сравнивает благодатную для России деятельность Петра I и унижающее достоинство русского человека правление Анны Иоанновны. Противопоставляются хитрость Остермана патриотизму Голицына; бездарность

Апраксина воинскому таланту Петра Румянцева; мудрость и рассудительность старика Румянцева юношескому максимализму, непокорности его сына; безразличие и тщеславие Бирона храбрости русских солдат.

Центральный герой романа – генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, образ которого раскрывается с трех позиций: через внутренние монологи, с точки зрения другого действующего лица и самого автора. Судьба генерала-фельдмаршала интерпретируется автором прежде всего с точки зрения его военной деятельности. Большое влияние на судьбу сына оказал отец – Александр Иванович Румянцев, в годы правления императрицы Анны Иоанновны объявленный «государственным преступником» и отправленный в «вечную ссылку» в далекое от Москвы Присурье. Сам автор дает этому образу иную оценку, называя его приемником Петра I, грамотным политиком и дипломатом, служащим интересам России.

Образ Петра Румянцева репрезентован М. Петровым в динамике, во внутреннем росте, непрерывном положительном становлении. Романист прослеживает, как естественным образом меняются взгляды героя на жизнь, отношение к родителям, как из картежника и кутилы он превращается в серьезного мужчину, ответственного воина, для которого на первом месте – благо Отечества и подчиненных ему солдат.

Первое представление главного героя растворяется в суете переезда семьи Румянцевых в Чеберчино. Автор подмечает, что Петруше «шести еще нет, а по росту все десять дашь. И соображает не по летам. Все буквы и цифры знает, читать пробует...» [2, с. 17]. Читатель сразу же подмечает необычные способности ребенка, его смышленность, свободолобие. Пребывание семьи в Чеберчино завершилось через несколько лет, что особо огорчило Петра: «...он пожал плечами. Ехать в Казань? А чем там лучше? Правда там Волга – это не то, что Чеберчинка, – зато там не будет таких ребят, как здесь...» [2, с. 42]. Мордовский край остался лишь в воспоминаниях. Еще одной нитью, связывающей его с миром из детства, стал денщик Захар, эрзянский парень.

Основная часть романного повествования воссоздает жизнь и деятельность П. Румянцева в армии. Автор проводит мысль о том, что он не только проявляет себя прекрасным знатоком военного мастерства, стратегом, но и выступает реформатором русской армии, вводит новую тактику ведения боя и т. д. Детально описаны судьбоносные для России сражения под предводительством генерала: овладение крепостью Кольберг во время Семилетней войны, блестящие победы в русско-турецкой войне, за которые Екатерина II присвоила ему честь носить двойную фамилию Румянцев-Задунайский «для прославления опасного перехода его через Дунай» [4]. Правдиво описаны сцены приезда

генерала в действующую армию, его встречи с солдатами и офицерами, которые его не просто уважали – искренне любили.

Если описания боевых операций, военных действий представлены скрупулезно и тщательно (к примеру, описание осады и взятие крепости Кольберг занимает несколько десятков страниц), то личная и семейная сферы жизни П. Румянцева достаточно скудны. Несмотря на определенную односторонность, данный характер следует считать истинной удачей М. Петрова. Он воссоздал образ незаурядной личности, талантливого военачальника, мужественного солдата, честного и справедливого человека. В романе ярко выражена позиция самого автора по отношению к этому герою: П. Румянцев-Задунайский – его идеал воина, солдата, офицера.

М. Петрову, писателю-историку, в полной мере удалось реализовать требования исторической прозы. Он умело балансирует между вымыслом и документальной правдой, не искажает хода историко-политических событий и логики общественного процесса, одновременно посредством художественных средств образности облакает их в эстетические формы, таким образом создает художественную правду. К тому же писатель равномерно и последовательно распределяет биографический материал в монументальном историческом контексте, что позволило ему отобразить атмосферу и колорит прошлого, а также воссоздать эстетически полноценный образ П. А. Румянцева, раскрыть психологию и мировоззрение исторической личности, реализовать многосложную проблему «человек и история».

Историческое повествование требует объективного раскрытия общественно-политического и культурного процесса минувших эпох. Для нас особый интерес представляют картины жизни мордовского народа во второй половине XVIII столетия. Вот, к примеру, каким предстает край эрзян и мокшан в интерпретации управляющего именем Чеберчино, которое досталось графу Румянцеву как приданое жены: «...село находится по соседству с селениями мордвы – полудикого народа, который хотя и принял христианство, но все еще продолжает почитать языческих богов, верит всяким духам...» [2, с. 13]. В данном случае справедливо замечание о приверженности эрзян и мокшан язычеству и о мифологическом их мировосприятии.

Введенные в нарратив бытоописания расширяют эпическое пространство романа, реанимируют ход и особенности национальной жизни, кроме эстетической цели, выполняют познавательную функцию. «В избу почти не проникал свет... Четверть избы занимала печь, которая топилась по-черному. На потолке и стенах чернел толстый слой сажи. Под отверстиями в стенах, заменявшими окна, стояла широкая лавка – от стены до стены. В углу под образами высился выскобленный добела дощатый стол. В двух шагах от стола прижалась к печи лохань с помоями, от которой шел кислый, неприятный запах. У самой

двери коник – подобие кровати, заваленный тряпьем. Над коником на гвозде висели новенькие лапти...» [2, с. 14]. Бытовые зарисовки позволяют М. Петрову обнажить психологию крестьянства, особенности его мировосприятия, нравственно-этические нормы, «решить проблему «человек и история». Справедливо говорить о том, что подобные описания вызваны «стремлением автора разобраться в перипетиях времени, политики, дать оценку истории, раскрыть особенности мордовского менталитета» [5, с. 121].

Мастер исторической прозы М. Петров гармонично перемежает собственно исторический материал с фактами биографии своих персонажей. Монументальная картина прошлого соткана из судеб множества действующих лиц. На первый план выступает эпически воссозданная фигура великого полководца П. А. Румянцева-Задунайского, посредством которой автор отражает разные стороны жизни Российского государства XVIII столетия. Романист-историк остается в рамках объективированного письма, стремится не нарушить историческую правду, донести потомкам мельчайшие подробности и детали событий и фактов. Автор бережно обращается с биографическим материалом, который репрезентован без деформации и искажения. Этим моментом обусловлено то, что главный герой романа всесторонне обрисован как военачальник, стратег, политик, однако семейно-интимная часть его жизни оказывается на периферии творческого внимания писателя. Несмотря на определенные недочеты в обрисовке образа П. А. Румянцева-Задунайского, одноименный роман М. Петрова следует оценивать как значимый шаг в развитии традиций мордовской национальной историко-биографической прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Историко-биографический жанр в национально-художественном дискурсе Мордовии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, 2014. – № 1 (81). – С. 31–36.
2. Петров М. Румянцев-Задунайский: ист. роман. Кн. 1. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. – 436 с.
3. Петров М. Румянцев-Задунайский: ист. Роман. Кн. 2. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. – 576 с.
4. Румянцев-Задунайский, Петр Александрович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
5. Шеянова С. В. Обновление эпической традиции в историческом романе М. Сайгина «Трудное счастье» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2011. – № 1 (2). – С. 119–122.

6. Шеянова С. В. Современный мордовский роман (1980–2000-е гг.): типология, проблематика, поэтика: дис. ...д-ра филол. наук. – Саранск, 2014. – 446 с.

ВОДЯСОВА Л. П., АНТОНОВА О. Н.

**КАТЕГОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ И ЕЕ ТИПЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. В статье рассматривается категория противоположности. Отмечается, что в языке средством ее реализации выступает антонимия. Авторы выделяют типы противоположностей и описывают их специфику на материале эрзянского языка.

Ключевые слова: противоположность, антонимия, тип противоположности, контекст.

VODYASOVA L. P., ANTONOVA O. N.

**THE CATEGORY OF LINGUISTIC OPPOSITION AND ITS TYPES:
AN ERZYA LANGUAGE-BASED STUDY**

Abstract. The article considers the category of opposition. It has been noted that antonyms are used to implement this category in a language. The authors distinguish between certain types of opposites and describe their peculiarities based on the Erzya language.

Keywords: opposition, antonymy, type of opposites, context.

В современной науке термин «противоположность» используется широко. В философии это один из видов отношений, устанавливаемых в результате сравнения двух предметов по выбранному (или заданному) основанию сравнения (признаку) [11, с. 182]. С точки зрения логики, противоположность – категория, выражающая одну из сторон диалектического противоречия, которое включает в себя взаимодействие между взаимоисключающими, но при этом взаимообуславливающими и взаимопроникающими друг в друга противоположностями внутри единого объекта [7, с. 486].

В лингвистике, как известно, понятие противоположности лежит в основе такой семантической категории, как антонимия. Однако среди ученых-лингвистов до настоящего времени нет единства в его трактовке. В ряде работ прежде всего не различают понятия противоположности и противопоставленности. Это приводит к расширенной характеристике антонимии, которая, например, О. С. Ахмановой определяется как семантическая противопоставленность, противоположность, а сами антонимы квалифицируются или как слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению, или как слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные, обозначающие противоположно направленное действие [2, с. 50]. Л. А. Введенская отвергает такое расширенное понимание антонимии. Она утверждает, что противопоставляться могут практически любые

лексические единицы, даже синонимы, однако это не делает их антонимами даже в условиях контекста [3, с. 14–15]. Согласно А. А. Уфимцевой, значения слов-антонимов имеют относительный характер, формируемый не столько на отражении абсолютных (объективных) свойств, признаков и их отношений в реальной действительности, сколько на их оценке в сравнении относительно других, стоящих на противоположной шкале отсчета качеств и свойств предметов [14, с. 192]. Ряд авторов утверждает, что антонимы – это слова, имеющие прямо противоположное значение [13, с. 128]. В мордовском языкознании также превалирует эта точка зрения. Исходя из этого, антонимы квалифицируются как противоположные по значению слова. Это толкование закреплено в «Лексикологии современных мордовских языков» [9] и ряде других работ, в которых рассматриваются антонимические отношения различных языковых единиц [5; 8; 16; 17 и др.]. С нашей точки зрения, антонимия должна быть определена как смысловая противоположность, закрепленная в нормах словоупотребления. Сами по себе предметы, их признаки, свойства не противоположны, отношения противоположности между ними устанавливаются в нашем сознании и отражаются в семантике слов как результат мыслительной операции обобщения. В зависимости от лингвистических (характер контекста, смысловые акценты, средства выражения и др.) и экстралингвистических (возраст, профессия людей, их жизненный опыт и др.) условий противоположными могут оказаться различные предметы, явления и соответствующие им слова.

Антонимы, как известно, составляют в языке парную корреляцию. В эрзянском языке в силу общности значений они могут встречаться в одном и том же контексте, иными словами, сочетаться с одними и теми же словами (*теемс вадря / берянь кудо* «построить хороший / плохой дом», *каземс ашо / раужо паця* «подарить белый / черный платок», *тердемс / панемс ялганть* «позвать / прогнать друга», *туемс позда / рана* «уйти поздно / рано», *ушодомс / прыдомс тевенть* «начать / закончить дело», *мольсь сэрей / алкине ломань* «шел высокий / низкий человек»; *ваномс икелев / удалов* «смотреть вперед / назад» и т. д.). Антонимы есть не у всех слов. Не имеют антонимов имена существительные с конкретным значением (*ломань* «человек», *тейтерь* «девушка», *эйкакш* «ребенок» и др. – одушевленные существительные, *вальма* «окно», *веле* «село», *кудо* «дом», *пенч* «ложка», *чаки* «чашка» и др. – неодушевленные существительные), имена числительные, большинство местоимений, а также имена собственные (*Лиаяна, Москов, Инерка* и др.). Наиболее распространены антонимические отношения среди качественных имен прилагательных и качественных наречий, немного меньше их среди глаголов и еще меньше среди имен существительных. В эрзянском языке антонимия развита и среди служебных частей речи – послелогов: *аштемс кудонть икеле / удало* «стоять впереди / позади дома»,

ёртомс столенть лангс / алов «бросить на / под стол», *ливтямс пельтнень алга / верьга* «лететь под / над облаками» и т. д. Обычно антонимы есть у слов с качественной, количественной, пространственной, временной семантикой: *паро – берянь* «хороший – плохой», *од – сыре* «молодой – старый», *покиш – вишкине* «большой – маленький» (качество), *ушодкс – пе* «начало – конец», *видечи – манчема* «истина – ложь», *одкчи – сыречи* «молодость – старость», *само – туема* «приход – уход» (предметность), *панемс – тердемс* «прогнать – позвать», *ушодомс – прядомс* «начать – закончить», *озамс – стямс* «сесть – встать», *шнамс – сялдомс* «хвалить – охаять» (действие), *тей – тов* «сюда – туда», *икеле – удало* «впереди – сзади» (пространство), *позда – рана* «поздно – рано», *исьяк – течи* «вчера – сегодня», *течи – ванды* «сегодня – завтра» (время), *човинестэ – эчкестэ* «толсто – тонко», *эрязасто – састо* «быстро – медленно», *нурькасто – кувакасто* «коротко – длинно» (признак действия) и т. д.

Явление антонимии тесно связано с явлением полисемантичности, причем у полисемантичных слов обычно по несколько антонимов: *лембе вал* «теплое слово» – *казямо вал* «жесткое слово», *лембе варма* «теплый ветер» – *якшамо варма* «холодный ветер», *лембе ойме* «добрая (букв.: теплая) душа» – *кельме ойме* «холодная душа», *лембе вановт* «теплый взгляд» – *кежей вановт* «злой взгляд».

Слова в антонимических парах вступают между собой в более сложные отношения, образуя своего рода антонимические парадигмы («антонимические блоки», по терминологии Л. А. Новикова [12, с. 82]). Основанием для этого служат родственные словообразовательные связи. Так, в эрзянском языке лексема *ашо* «белый» имеет противоположное значение к чему-либо темному, именуемому лексемой *раужо* «черный». Из этой антонимической пары образуются родственные слова, которые приобретают другой оттенок значения: *ашназа – раужаза* «беловатый – черноватый», *ашолдомс – раужкадомс* «белеть – чернеть», *ашолдома – рауждома* «белизна – чернота», *ашолгадомс – раужкадомс* «побелеть – почернеть», *ашолемс – раужкалемс* «белеть – чернеть». Кроме того, антонимы могут совмещаться. В этом случае противоположные признаки приписываются одному явлению, предмету или лицу. Это явление обычно встречается в различных речевых ситуациях. У говорящего или пишущего появляется возможность предельно кратко и выразительной передачи противоположных чувств, обуревающих человека в один и тот же момент, или противоположных признаков, которые в какое-то время существуют у одного явления, или явлений, которые могут быть оценены различно, в зависимости от того, с какой точки зрения на них взглянуть: *Монь лангс прась стака канст, но те стака канстось марявсь шождынекс* «На меня легла тяжелая ноша, но эта тяжелая ноша казалась легкой»; *Шкась буто кавонзась: марявсь, моли то пек састо, то эрязасто* «Время будто раздвоилось:

казалось, идет то очень медленно, то быстро'; *Кудонть икелеяк, удалояк кассть ламо килейть* 'И спереди, и сзади дома росло много берез' и т. д.

В силу своей выразительности антонимы часто используются в художественных текстах. В канву произведения писатели вводят их для создания яркого художественного образа, эмоционального описания событий, фактов и т. д.: *Вирь удалов чизэ прась. / Тарказонзо зоря стясь* (Я. Григошин) 'За лес солнце упало. / Вместо него заря поднялась'; *Пильгетне эзьт кунсоло, аволь икелев, удалов эскельдясть сынь* (Ф. Чесноков) 'Ноги не слушались, не вперед, назад шагали они'; *Ашо паля оршась модась, / Менелесь – чама чопода* («Сятко») 'Белое платье надела земля, / Небо – лицо темное'. Очень любит использовать антонимы в своих произведениях известный мордовский писатель Числав Журавлев. На антитезных противопоставлениях он создал множество сентенций-афоризмов, в которых представлен жизненный опыт писателя, его наблюдения над людьми: *Превеесь весень ендо тонавтни, чаволась весень тонавты* 'Умный ото всех учится, глупый всех учит'; *А однэнь, а сыренень ськамочись – аволь оймсема* 'Ни молодым, ни старым одиночество – не отдых'; *Шнамось ды сялдомась – селмот: васенцесь кепеди верев, омбоцесь – валгсты алов* 'Похвала и ругань – крылья: первая поднимает вверх, вторая – опускает вниз'; *Эрямосонть весе инжеть: однэнь вастыть сыретне, сыретнень ильтить однэ* 'В жизни все гости: молодых встречают старые, старых провожают молодые' и др. В основе большинства пословиц и поговорок также лежит явление антонимии: *Берянь теят – паро а неят* 'Плохое сделаешь – хорошее не увидишь' [11, с. 132]; *Од пингесь юты ливтязь, сыре пингесь – састо молезь* 'Молодость проходит мимолетно, старость – тихим шагом' [11, с. 28]; *Смелэнтъ лангс кискась ансяк онги, пелицянтъ – суски* 'На смелого собака только лает, трусливого кусает' [11, с. 145].

Говоря о противоположности, ученые выделяют и ее типы.

Наиболее развернутая концепция типов лингвистической противоположности впервые была предложена Л. А. Новиковым. Он выделил четыре типа – контрарную, векторную, комплементарную и конверсивную [12, с. 79–87]. Далее теорию о типах противоположности развивает М. Р. Львов [10]. За основу он берет методику Л. А. Новикова, но отмечает, что логическая модель противоположности является недостаточным условием. По его мнению, в языке она становится моделью антонимии только у лексем, которые обозначают качество, выражают противонаправленность действия, состояния, свойств, признаков, а также у некоторых других лексических единиц. М. Р. Львов совершенно уверен, что антонимичность не вызывает сомнений лишь в том случае, если антонимические пары содержатся в одном предложении или в одном небольшом отрывке текста. С его точки зрения, только учет природы и особенностей семантики языковых единиц позволяет

ограничивать антонимы от других противопоставленных слов, не являющихся ими [10, с. 10]. В своей работе исследователь выделяет контрарную, контрадикторную и векторную типы противоположности. Т. И. Янгайкина, апробировав точку зрения М. Р. Львова на материале одного из мордовских языков – мокшанского – доказывает, что эти типы противоположности имеют место и здесь [18]. И это объяснимо, так как антонимия – одно из универсальных лингвистических явлений, и многие его признаки одинаковы для всех языков. Проанализировав материал эрзянского языка, мы также пришли к выводу о функционировании здесь этих же типов противоположности [4; 5; 6].

Кратко охарактеризуем типы антонимии на материале эрзянского языка.

Контрарную (от лат. *contrarius*) противоположность выражают антонимы, отвечающие логическому критерию, иными словами, имеющие средний член. В эрзянском языке это достаточно распространенный тип. Он лежит в основе антонимических отношений лексем, содержащих указание на качество: **ашо – раужо** «белый – черный» (средний член: **серой** «серый»), **коське – начко** «сухой – мокрый» (средний член: **летьке** «влажный») или обозначающих пространственные координаты: **исяк** «вчера» – **течи** «сегодня» – **ванды** «завтра», **валске – чи – чокшне – ве** «утро – день – вечер – ночь», **ушодкс – куншка – пе** «начало – середина – конец». В речи такое противопоставление предполагает возможную степень усиления признака, качества, действия или градацию. Средний член в ряде градуальных противопоставлений обычно не имеет специального выражения, но всегда подразумевается как своеобразная точка отсчета. Так, например, в антонимической паре **ашо – раужо** «белый – черный» наблюдаем признак градуальности. Градуальный ряд между крайними **ашо** «белый» и **раужо** «черный» включает еще три лексемы: **ашо – ловтаня – серой – чопода – раужо** «белый – бледный – серый – темный – черный». Все они выражают понятия цвета и чаще всего сочетаются со словами **сельме(ть)** «глаз(а)», **чер(т)ь** «волос(ы)», **чама** «лицо». В речи антонимы могут взаимозамещаться для придания высказыванию более вежливой формы. Как известно, слова, которые используются с целью устранить резкость или грубость фразы, называются эвфемизмами. На этом основании иногда говорят об антонимах-эвфемизмах, которые выражают значение противоположности в смягченной форме. С точки зрения этики, лучше, например, сказать **човинька тейтерь** «худенькая девушка», чем **коськана** «тощая, костлявая» и т. д. Так, например, обстоит дело и в следующем примере: *Сценанть лангс капшаазь, вишка эскельксэ лиссь аволь пек сэрей, но аволь алкинеяк цера* «На сцену торопливо, небольшими шажками вышел не очень высокий, но и не очень низенький мужчина». Антонимы **аволь пек сэрей – аволь пек алкине** «не очень высокий – не очень маленький» обладают признаком градуальности, между ними подразумевается третий член «средний» (в речи имеется в виду, что на сцену вышел

мужчина среднего роста).

Контрадикторная (или по терминологии Л. А. Новикова, комплементарная [12]) противоположность характеризуется тем, что между противопоставляемыми членами (видовыми понятиями), дополняющими друг друга до единого целого (родового понятия) и являющимися по своей природе предельными, нет никакого среднего члена. Противоположные видовые понятия определяют предел проявления качества, свойства или действия, определяемых тем или иным родовым понятием, тем самым образуя логическую модель. В эрзянском языке это один из наименее встречаемых типов антонимии. В качестве примера можно привести лишь следующие: **эрикс – кулозь** «живой – мертвый», **чачомс – куломс** «родиться – умереть», **сёвномс – мирямс** «ругаться – мириться» и др. Последняя пара фигурирует в пословичном высказывании: *Мирдть-нить севнить-тюрить – часонь ютазь мекев мирить* 'Муж с женой поссорятся – через час помирятся' [11, с. 36]. Отметим, что контрадикторную противоположность следует отличать от простой контрадикторности, которую создают противоречащие понятия типа **од** «молодой» – **аволь од** «не молодой» (иными словами, или средних лет, или пожилой, или старый). Они представляют собой ослабленную противоположность в силу неопределенности второго члена оппозиции, не выражающей настоящей антонимии. Для того чтобы выразить истинную противоположность, второй член должен быть выражен более определенно (**аволь од = сыре** «не молодой = старый»). Таким образом, образуется антонимическая пара: **од** «молодой» – **сыре** «старый».

Векторная (от латинского *vector*) противоположность представляет собой противоположность разнонаправленных признаков. В эрзянском языке, пожалуй, это самый распространенный тип. Его создают прежде всего глаголы, которые обозначают противоположно направленные движения и действия: **ушодомс – прядомс** «начать – закончить», **куземс – валгомс** «подняться – спуститься», **муемс – ёмавтомс** «найти – потерять», **самс – туемс** «прийти – уйти», **совамс – лисемс** «входить – выходить», **панжомс – пекстамс** «открыть – закрыть», **саемс – максомс** «брать – отдавать» и др. Данные антонимические пары часто встречаются в пословицах и поговорках с целью создания контрастности: *Муить – каитмольть, емавтыть – иля пижне* 'Нашел – молчи, потерял – не кричи' [11, с. 221]; *Саят вить кеднесэ, максат – керш кедьсэ* 'Берешь правой ручкой, отдаешь – левой' [11, с. 91]. Кроме глаголов, векторная противоположность может быть представлена отглагольными именами существительными: **ушодома – прядома** «начало – конец», **чилисема – чивалгома** «восход – заход (солнца)», **ормалгадома – пичкамо** «заболевание – выздоровление», **совамо – лисема** «вход – выход», **панжома – пекстамо** «открытие – закрытие»; именами прилагательными: **шождыне – стака** «легкий –

тяжелый», **кувака – нурькине** «длинный – короткий», **чапамо – ламбамо** «кислый – сладкий», **чова – эчке** «тонкий – толстый», **чевте – калгодо** «мягкий – жесткий»; наречиями: **васоло – маласо** «далеко – близко», **тесэ – тосо** «здесь – там», **верев – алов** «вверх – вниз», **икеле – удало** «впереди – сзади» и др. Антонимические пары, создающие векторную противоположность, также часто встречаются в пословицах и поговорках для создания контрастности: *Паро тевень ушодомась, седе паро – прыдомась* ‘Хорошо начало дела, еще лучше его конец’ [11, с. 185]; *Валонь евтамось шождыне, тевень теемась така* ‘Слова говорить легко, а дела делать тяжело’ [11, с. 66]; *Васолов путсак – маласто мусак* ‘Далеко положишь – близко найдешь’ [11, с. 150]; *Телентень анокстак кизна, кизэнтень – тельня* [8, с. 115] ‘К зиме готовься летом, к лету – зимой’; *Кизэсь важоди теленть лангс, телесь – кизэнтть лангс* [11, с. 136] ‘Лето работает на зиму, зима – на лето’ и т. д.

Таким образом, антонимия – это средство реализации категории противоположности в языке. В эрзянском языке она выступает в качестве знаков раздвоенного на противоположности единства, одновременно определяя предел проявления того или иного качества, свойства, действия, отношения и указывая на неразрывную связь противоположностей в каждом конкретном проявлении сущности. Антонимия – яркое изобразительное средство языка. В ткань текста она вводится обычно с целью создания контрастности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова О. Н. Эмотивная функция антонимов в произведениях Ф. М. Чеснокова // Евсевьевские чтения. Серия: Эмотивность художественного текста и способы ее репрезентации [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы для молодых ученых «51-е Евсевьевские чтения», 14–15 мая 2015 г. / редкол.: Л. П. Водясова (отв. ред.) [и др.] ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2015. Рег. св-во обязательного федерального экземпляра электронного издания 42304. № госрегистрации 0321503668 (выдан 24 ноября 2015 г.).
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 607 с.
3. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1971. – 166 с.
4. Водясова Л. П. Антонимическая лексика как средство реализации лексического способа связи в произведениях К. Г. Абрамова // Вестник Угроведения. – 2014. – № 3 (18). – С. 28–32.
5. Водясова Л. П., Антонова О. Н. Контексты с разнокорневыми антонимами в

- произведениях Ф. М. Чеснокова // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2015/04/10370>.
6. Водясова Л. П., Антонова О. Н. Эмоциональный характер антонимических контекстов в произведениях Ф. М. Чеснокова // Международный симпозиум «Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем», посвященный юбилеям финно-угроведов – Хейкки Паасонена (150 лет), Пауля Аристэ (110 лет) и Б. А. Серебренникова (100 лет), 21–22 мая 2015 г. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. – С. 76–84.
 7. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
 8. Кочеваткин А. М. Синонимические и антонимические отношения в соматической лексике диалектов эрзянского языка // Финно-угристика-5: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: М. В. Мосин (отв. ред.) и [др.]; МГУ имени Н. П. Огарева. – Саранск, 2003. – С. 118–123.
 9. Лексикология современных мордовских языков: учеб. пособие / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1983. – 189 с.
 10. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. – М.: Рус. яз., 1984. – 384 с.
 11. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / вступ. статья, запись, системная обраб. текстов и переводы их на рус. яз. К. Т. Самородова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 280 с.
 12. Новиков Л. А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в школе. – 1966. – № 4. – С. 79–87.
 13. Современный русский язык: учебник / С. М. Колесникова, Е. В. Алтабаева, Л. П. Водясова, Е. Н. Лисина, П. В. Каштанова, Е. Н. Морозова, И. Б. Грузнова; под ред. С. М. Колесниковой. – 2-е изд, испр. – М.: Флинта, 2016. – 559 с.
 14. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1986 – 239 с.
 15. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. – М.: Сов. энцикл., 1967. – 592 с.
 16. Ширманкина Р. С. Фразеология мордовских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1970. – 21 с.
 17. Эрзянь-рузонь антонимень валкс = Эрзянско-русский словарь антонимов / сост. Р. Н. Бузакова, Е. Н. Лисина. – Саранск, 2008. – 135 с.
 18. Янгайкина Т. И. Системные семантические отношения в лексике мокшанского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2008. – 180 с.

ВОДЯСОВА Л. П., СТАРКИНА Е. Н.

СТРУКТУРА ПОСЛОВИЦ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются эрзянские пословицы. Отмечается, что они являются языковыми знаками, имеющими план выражения (форму) и план содержания (значение). Пословицы позволяют в краткой форме выразить суть высказывания, усиливают выразительность речи. Основной формой их реализации выступают обобщенно-личные предложения, назначение которых – образное выражение общих суждений.

Ключевые слова: пословица, языковой знак, обобщенно-личное предложение, образность.

VODYASOVA L. P., STARKINA E. N.

THE STRUCTURE OF PROVERBS IN THE ERZYA LANGUAGE

Abstract. The article considers the Erzya proverbs. It has been noted that proverbs are language signs with their form and semantics. In a concise form proverbs express the gist of the statement and intensify the expressiveness of the speech. Generalized-personal sentences are used to make proverbs. The function of the sentences is a figurative expression of common statements.

Keywords: proverb, language sign, generalized-personal sentence, imagery.

Пословица – один из самых распространенных видов паремического изречения. Это меткое, образное изречение, обладающее эмоциональной окрашенностью и обобщающее различные явления жизни, имеет назидательный, нравоучительный смысл. Его удачное употребление в речи помогает кратко, точно и выразительно выразить основную суть сказанного.

Пословицы, являясь результатом длительного развития, фиксируют и передают от одного поколения к другому общественный опыт. У мордвы они создавались главным образом в крестьянской среде и возникали из четырех основных источников: 1) сочинялись кем-либо как общие суждения, выводы из непосредственных наблюдений над жизнью, трудом, бытом народа; 2) выделялись из фольклорных произведений; 3) заимствовались из литературных произведений в процессе фольклоризации; 4) заимствовались из других языков (чаще всего из русского).

Первые издания мордовских пословиц относятся ко второй половине XIX в. (Н. Сталь, 1867; В. Майнов, 1885; П. Мельников, 1887; Х. Паасонен, 1894; А. Шахматов, 1910). Все сборники, как правило, кроме пословиц, включают в себя и поговорки, так как эти разновидности паремий тесно связаны и активно взаимодействуют на общей структурно-семантической платформе. В XX в. их самым известным исследователем становится

литературовед и фольклорист К. Т. Самородов, большую часть своей жизни посвятивший изучению мордовских паремий. В 1954 г. им был издан сборник «Мокшанские пословицы», в 1955 – «Эрзянские пословицы», в 1959 г. – «Мордовские пословицы и загадки». Составленная им книга «Мордовские пословицы, присловицы и поговорки» (первое издание – 1959 г., второе – 1986 г.) до настоящего времени является главным трудом по изучению паремического творчества мордвы.

Предметом нашего изучения являются пословицы, созданные безымянными авторами на одном из мордовских языков – эрзянском. Материалом для анализа нам послужили составленные К. Т. Самородовым сборники «Мордовские пословицы, присловицы и поговорки» [1] и «Устно-поэтическое творчество мордовского народа: Пословицы, присловья и поговорки» [2].

Пословицы в зависимости от происхождения имеют следующие стилевые разновидности – собственно пословицы, приметы, афоризмы, максимы. Пословица в широком значении встречается чаще всего. Она занимает центральное место среди изречений как стржевая форма афористического выражения: *Чачома мастордот мазый тарка а муят* «Красивее родной страны места не найдешь»; *Тиринь велес кись келей* «В родное село дорога широкая»; *Паро паксясо, велесэ, бути весе эрить артелен мельсэ* «Хорошо в поле, селе, если все живут в артели дружно»; *Тевень вечки ки ули, се паро валткак мари* «Кто работу будет любить, тот хорошие слова будет слышать»; *Туинек пировамо, савсь горевамс* «Пошли пировать, а пришлось горевать»; *Пиресь андтанзат – паксясь трятанзат* «Огород накормит – поле прокормит» и др.

Пословицы имеют одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план. Так, пословицы *Суро а видят – каша а тидят* «Просо не посеешь – кашу не сварить», *Ве куросо ве раськень пангт касыть* «В одном грибном месте одной породы грибы растут» отличаются двойным планом – буквальным и иносказательным. Напротив, пословица *Часиясь – аволь варака: кедьсэ а кундави* «Счастье – не ворона: руками не поймать» имеет только образный план. Пословиц, имеющих переносное значение, гораздо больше, хотя многие из них возникли на основе реальных событий или действий. Так, например, пословица утверждает, что *Московось аволь сеске строявьсь* «Москва не сразу строилась», что абсолютно правильно, потому что поселение на месте теперешней Москвы существовало почти тысячу лет назад. Но это изречение употребляется в речи не ради этого прямого смысла, а ради переносного: всякое большое дело начинается с малого, постепенно приобретая размах. Образность пословиц создается метафорами, метонимией, сравнениями и другими формами иносказательности [3]. Так, например, в пословицах: *Скотинань ванат мель, саят ярсамопель* «Угождаешь скотине, будет [у тебя] еда (букв.: возьмешь еду)»; *Тевесь вечки теема, ярмакось –*

ловом» «Дело любит делаться, а денежка – считаться» – образность создана с помощью метафоры; в пословицах: *Тевтеме ланьця келесь – чаво парьсэ лаужа* «Без дела болтающий язык – в пустой кадучке мешалка»; *Мирдесь ды нись – ве кевень толт* «Муж и жена – искры (букв.: огни) одного кремня (букв.: камня)» – с помощью сравнения. Очень часто образность создается с помощью такого яркого средства выразительности, как антонимия. Созданных на ее основе пословиц огромное количество. В них подчеркивается противоречие, конфликтность внутреннего психологического состояния человека или описываемых событий, при этом используется достаточно много контекстуальных антонимов, иными словами, лексических единиц, не являющихся словарными антонимами, но вступающими между собой в антонимические отношения в пределах данного изречения [4; 5]. В антонимических отношениях могут быть имена прилагательные, имена существительные, глаголы, наречия и пр.: *Мезенть одсто емавтсак, сень сырестэ а велявтсак* «Что в молодости потеряешь, то в старости не вернешь»; *Важодицясь вешни тев, нузякось – тувтал* «Трудолюбивый ищет работу, ленивый – причину»; *Телесь ловтомо – кизэсь киивтеме* «Зима без снега – лето без хлеба».

Все пословицы являются языковыми знаками, так как относятся к синтаксическим единицам, которые имеют план выражения (форму) и план содержания (значение). Они обладают структурной организацией в виде предложения, так как, во-первых, являются одним из средств формирования, выражения и сообщения определенной мысли, передачи эмоций и чувств человека, во-вторых, выполняют коммуникативную функцию, являясь одним из средств общения, и, наконец, им свойственны смысловая, структурная, грамматическая и интонационная завершенность, синтаксическая предикативность и коммуникативная задача. Все пословицы, подчеркивают исследователи, обладают большим воспитательным потенциалом [6, с. 67–72; 7, с. 156–160].

В структурном отношении эрзянские пословицы могут представлять из себя предложения простые (*Видечись видечис кеми* «Правда правде верит»; *Ломанень превсэ а эржават* «Чужим умом не проживешь»; *Вадря тевесь куватьс а стувтови* «Хорошее дело долго не забывается») и сложные (*Чевтестэ ацы, но калгодо удомс* «Мягко стелет, но жестко спать» – сложносочиненное предложение; *Кодамо кевкстемась, истямо ответэсь* «Какой вопрос, такой ответ» – сложноподчиненное предложение с придаточным определительным; *Эйкаки мартось эри, эйкаки томось ризны* «Детей имеющий (букв.: с детьми) живет, бездетный страдает» – бессоюзное сложное предложение), однако по составу и простые предложения, и предикативные части сложных чаще всего представляют собой обобщенно-личные предложения. И это объяснимо. Основное назначение обобщенно-личных предложений – образное выражение общих суждений, больших обобщений. В любом учебнике по синтаксису отмечается, что предложения этого типа – основа для

создания пословиц, поговорок, афоризмов [8, с. 135–139; 9, с. 95; 10, с. 427; 11, с. 92]. Это синтаксические единицы, в которых формулируются наблюдения, связанные с обобщающей характеристикой определенных предметов, жизненных явлений и ситуаций: *Ломань масторсо кизняк натой кельмат* «В чужой стране и летом даже мерзнешь»; *Каштом лангсо часия а муят* «На печке счастья не найдешь»; *Веръгизэнтъ кода иля андо, яла вирев ваны* «Волка как ни корми, он все в лес смотрит»; *Маштат видеде-сокамо – маштт сюронь кочкамо* «Умеешь пахать-сеять – умей урожай собирать». Обобщающий характер последней пословицы, например, в том, что она употребляется не только для указаний на зависимость урожая от умения пахать и сеять, но и для доказательства обусловленности следствий их причинами в самых разнообразных областях жизни. Пословица от частного ведет к общему, дает конкретный образ, имеющий широкое познавательное значение. В этом проявляется ее похожесть на художественное произведение: *Вейке ладсо чачома, а вейке ладсо кастома* «Одинаково родимся, неодинаково растем»; *Сюронтъ онкстыть вессэ, вадря эрямонть – паро тевсэ* «Зерно взвешивают весами, хорошую жизнь – добрыми делами»; *Важодят – ярсат, а важодят – пейсэ кальцят* «Работаешь – кушаешь, не работаешь – зубами стучишь».

В обобщенно-личном предложении отнесенность действия к обобщенному, то есть ко всякому, любому лицу реализуется в формах независимого главного члена – сказуемого, выраженного: 1) глаголом в форме индикатива 2-го лица единственного числа: *Парсте яла эрят, бути ломанень ки а пирят* «Хорошо всегда живешь, если людям дорогу не загораживаешь»; *Ламо каят – ламо саят* «Много положишь – много возьмешь»; 2) глаголом в форме индикатива 3-го лица множественного числа: *Тюремадо мейле мокшинасо а юхаить* «После драки кулаками не машут»; *Паро тевентъ кисэ шныть, беряненъ кисэ – севныть* «За хорошее дело хвалят, за плохое – ругают»; 3) глаголом в форме императива 2-го лица единственного и множественного числа: *Арсек аволь кулядонть, арсек кулянъ нолдыцядонть* «Думай не о сплетне, думай о сплетнике»; *Ломанень паро лангс кургот иляк автне* «На людское добро рот не открывай» (эквивалент в русском языке: *На чужой каравай рот не разевай*).

В пословицах проявляется высшая степень обобщения опыта. Форма обобщения настолько существенна, что облеченное в нее высказывание приобретает афористичность и назидательность. Исходя из этого, в обобщенно-личных предложениях все основные элементы предикативности – модальность, темпоральность и персональность – содержат обобщение, подкрепляющее афористический смысл. Так, общее модальное значение реальности-ирреальности, выражаемое формами наклонения, сопровождается частными модальными значениями, обусловленными формой сказуемого, в частности: 1) значение долженствования – формами индикатива 2-го лица единственного числа: *Ламо содат – ламо таят* «Много

знаешь – много сделаешь»; *Паро арсят – паро марсят* «Добро желаешь – доброе слышишь»; *Ламо ловнат – ламо содат* «Много читаешь – много знаешь»; 2) значение целесообразности – формами индикатива 3-го лица множественного числа: *Косо дружнасто эрить, тосо нуждадо а пелить* «Где дружно живут, там нужды не боятся»; 3) значение нецелесообразности – формами индикатива 3-го лица множественного числа с отрицательной частицей *а* «не»: *Сисем тевть ве кедьс а сайнить* «Семь дел в одни руки не берут»; 4) значение невозможности – формами индикатива 2-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа с отрицательной частицей *а* «не»: *Чачить покш пря коршокс, цековокс а улят* «Родился совой – соловьем не станешь»; *Тев а содат – карь а кодат* «Дела не знаешь – и лапоть не сплетешь»; *Весе ярмактне а саевить* «Всех денег не взять»; 5) значение неизбежности – формами индикатива 2-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа: *Семиястот бути туют – эрямосонть лув а муят* «Из семьи если уйдешь – в жизни лада не найдешь»; *Косо симить, тосо валнить* «Где пьют, там льют»; 6) значение пожелания, совета, рекомендации – формами императива 2-го лица единственного числа (в том числе с отрицательной частицей *ияля / иляк* «не»): *Чачома масторот кисэ виетькак, эрямоткак иляк жалья* «За родную сторону ни сил, ни жизни не жалея»; *Пазонтъ пельде учок, а тонсь иля удо* «От Бога жди, а сам не спи» (русский эквивалент: *На Бога надейся, а сам не плошай*); *Иля канша кельсэ, каншак – тевсэ* «Не спеши языком, спеши – делом»; 7) значение оценки – формами индикатива 2-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа: *Манят вейке, кавто ломанть – народось а маняви* «Обманешь одного-два человека, а народ не обмануть»; *Ципакатнень сексня ловнить* «Цыплят осенью считают». Темпорального значения в силу обобщенности семантики временного значения обобщенно-личные предложения лишены, поэтому им свойственно значение вневременности: *Иля стувтне ялгат, тоньгак а стувттадызь* «Не забывай товарищей – и тебя не забудут»; *Зьянось ськамонзо а яки* «Беда одна не ходит»; *Пеижксе пекесь вачочиде а арси* «Сытый живот о голоде не думает». Как видим, ни в одном из пословиц временной фактор не определен – действие могло происходить когда-то, а может происходить и в настоящем, и в будущем времени. Обобщенное значение персональности заключается в том, что высказывание, выраженное в обобщенно-личном предложении, соотносено одновременно со всеми лицами: *Кона таркась сэреди, иляк токше* «Которое место болит, не трогай»; *Мезе теят, секень неят* «Что сделаешь, то и увидишь»; *Парочиде парочи а вешнить* «От добра добро не ищут». Во всех предложениях выражается независимое действие (признак), не связанное с конкретным деятелем, который в свою очередь словесно не обозначен и мыслится как семантически обобщенное лицо. Условно это значение можно представить как *я + ты + все другие*.

В пословицах может обобщаться и личный опыт говорящего, когда он, отвлекая себя от действия, преподносит его как обычное, типичное, закономерное. В предложениях такого типа повествуется о совершенном говорящим в прошлом действии, притом действии длительном, обычном или повторявшемся неоднократно. Благодаря глагольной форме 2-го лица настоящего и / или будущего времени (в эрзянском языке форма настоящего времени и простая форма будущего совпадают) оно осмысливается как обобщенное: *Эрзякадат – ломанть пейдевятя* «Поспешишь – людей насмешишь»; *Эрзякадат – дураскадат* «Поспешишь – сглупишь»; *Бути вейке чис кадоват, сестэ недля лувс а соват* «Если на один день отстанешь, за неделю не догонишь». Обобщение такого рода может быть основанием для вывода, поэтому данные предложения легко переходят через ту условную грань, за которой имеет место уже не конкретное повествование, а обобщение личного опыта и выражение его как обязательного для всех: *Оймазь седейсэ удам, бути вадрясто трудят* «Спокойным сердцем спишь, если хорошо потрудишься»; *Кинь эйкакшонзо арасть, се эйкакшонь жалямонтъ а содасы* «У кого детей нет, тот любви к детям не знает»; *Ламо удам – эсь прят сюдат* «Много спишь – себя проклинаешь» и др.

В пословицах учитывается и такая важная особенность обобщенно-личных предложений, как способность использоваться при выражении только тех наблюдений, которые представляются говорящему обязательными, бесспорными, поскольку вытекают из объективных особенностей наблюдаемых явлений и ситуаций. Основным семантическим компонентом становится личная причастность любого лица к наблюдениям, составляющим содержание этих предложений, в них обобщается жизненный опыт говорящего или усвоенный им коллективный опыт: *Лов алов сокат – ламо суро саят* «Под снег пашешь – много хлеба соберешь»; *Вадрясто порьсак – валанясто нильсак* «Хорошо прожужешь – гладко проглотишь».

В заключение отметим, что обобщающий характер пословиц позволяет в образной и чрезвычайно краткой форме выразить суть высказывания, усилить выразительность речи, придать ей остроту. Речь людей, знающих и использующих много пословиц, как правило, ярка, эмоциональна и понятна. Это помогает найти путь к сердцу слушателей, завоевать их уважение и расположение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / вступ. статья, запись, системная обраб. текстов и переводы их на рус. яз. К. Т. Самородова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 280 с.
2. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: Пословицы, присловья и поговорки / сост. К. Т. Самородов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. – Т. 4. – Ч. 1. – 376 с.

3. Водясова Л. П. Метафорическое моделирование концептуальной диады ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в эрзянском языке // Litera. – 2016. – № 3. – С. 26–35. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/fil/article_20265.html.
4. Водясова Л. П., Антонова О. Н. Контексты с разнокорневыми антонимами в произведениях Ф. М. Чеснокова // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4. – С. 60–64 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2015/04/10370>.
5. Водясова Л. П., Антонова О. Н. Антонимы как средство реализации эмотивности художественного текста // Евсевьевские чтения. Серия: Эмотивность художественного текста и способы ее репрезентации [электронный ресурс]: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы для молодых ученых «51-е Евсевьевские чтения», 14–15 мая 2015 г. / редкол.: Л. П. Водясова (отв. ред.) [и др.] ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2015. Рег. св-во обязательного федерального экземпляра электронного издания 42304. № госрегистрации 0321503668 (выдан 24 ноября 2015 г.).
6. Налдеева О. И., Водясова Л. П. Формирование ценностного отношения к национальным языкам и литературе в полиэтническом регионе // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 4 (28). – С. 67–72.
7. Савостькина М. И., Макушкина Л. И., Сураева М. С. Пословицы и поговорки как фактор формирования языковой компетенции на уроках родного языка // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2014. – Т. 29. – № 1. – С. 156–160.
8. Савостькина М. И., Романенкова О. А. Сопоставительная характеристика синтаксиса простого предложения в русском и мордовских (мокшанском, эрзянском) языках // Гуманитарные науки и образование. – 2015. – № 4 (24). – С. 135–139.
9. Современный русский язык: Синтаксис. Пунктуация: учеб. пособие / А. Н. Наумович, И. А. Киселев, Н. И. Астафьева [и др.]; под общ. ред. И. А. Киселева. – Минск: Высш. шк., 1994. – 374 с.
10. Современный русский язык: учебник / С. М. Колесникова, Е. В. Алтабаева, Л. П. Водясова, Е. Н. Лисина, П. В. Каштанова, Е. Н. Морозова, И. Б. Грузнова; под ред. С. М. Колесниковой. – 2-е изд, испр. – М.: Флинта, 2016. – 559 с.
11. Эрзянь кель. Синтаксис: тонавтнемапель = Эрзянский язык. Синтаксис: учебник / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 208 с.

ВАЛОВА А. О.

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ИНЯЗОРА

В РОМАНЕ К. Г. АБРАМОВА «ПУРГАЗ»

Аннотация. В статье представлен анализ исторических документов, имеющих ссылки на возникновение Пургазовой Руси. Исследуется их влияние на создание художественных произведений об инязоре. Предложены авторские интерпретации образа Пургаза на основе анализа художественного текста классика мордовской литературы К. Г. Абрамова.

Ключевые слова: инязор, главный герой, легенда, автор, поток мыслей, внутреннее состояние персонажа.

VALOVA A. O.

SPECIFICS OF REPRESENTATION OF INYAZOR IMAGE

IN THE NOVEL "PURGAZ" BY K. G. ABRAMOV

Abstract. The article presents an analysis of historical documents referring to the origin of Purgazov's Rus. The author studies their impact on the creation of literary works about inyazor. The article includes the author's interpretations of Purgaz image based on an analysis of the literary text of K. G. Abramov, the classic of Mordovian literature.

Keywords: inyazor, main character, legend, author, train of thoughts, inner state of character.

Сведения о Пургасе (или как вариант имени Пургазе) – одном из наиболее видных представителей мордвы, именем которого названо учеными-историками целое государственное формирование – Пургасова волость – можно найти уже в Патриаршей, или Никоновской, летописи. Примечательным здесь является то, что «Пургасова волость» не охватывает всей «земли Мордовской», об этом можно судить по летописному своду, который вместе с тем отмечает и то, что «мордва с Пургасом», «мордва Пургасова» жила с «Русью Пургасовой» – русским населением, подвластным мордовскому инязору – Пургасу. Однако до сих пор не установлены очертания «Пургазовой волости», хотя существует предположение, что «ким могло быть Пургасово городище, остатки которого раскопаны близ села Пурдошки Темниковского района Республики Мордовия» [3, с. 10].

На Руси того времени считалось, что волость – это территория определенного княжеского удела, возглавляет которую правитель, в данном случае, как следует из летописи, инязор мордовского народа Пургаз. Пургаз – это энергичный, талантливый представитель мордовского народа, которому удалось объединить множество враждующих между собой родов и тем самым спасти нацию от физического уничтожения, сохранить ее духовные

ценности. Совершенно естественно, что образ мордовского князя нашел свою реализацию в художественной исторической прозе. Показательными являются такие произведения, как роман К. Г. Абрамова «Пургаз», исторический очерк В. К. Абрамова «Пургаз», рассказ ученого-историка В. Юрченкова «Инязор» и другие. Остановимся на первом из них.

Жизнь мордвы, ее богатая самобытность, история, идеи объединения мордовских племен воплотились в романе К. Г. Абрамова «Пургаз». Главного героя – Пургаза – мы видим ребенком, затем он предстает перед нами отважным юношей, прилежным учеником, и, наконец, инязором мордовского народа, умудренным жизнью стариком.

Впервые мы встречаемся с Пургазом на страницах романа К. Абрамова в доме его деда Обрана и бабушки Вежавы. Уже с детских лет на него возлагаются немалые надежды, поскольку Пургаз не только отдавал дань уважения старшим, но и мог показать свой характер самому уважаемому из них – деду.

Небольшая размолвка между дедом и внуком, произошедшая из-за кур, характеризует последнего как личность самолюбивую, неординарную, но помнящую законы рода.

Интересна, на наш взгляд, и личность деда Обрана. Сам автор говорит о нем как о потомке основателя городка, продолжателе традиций и обычаев рода, правнука основателя городка, которого так же звали Обраном.

Вполне возможно, что за историческую основу истории городка автор взял общеизвестную легенду. Уже в 60-е годы XIX века известный русский писатель Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский) в своей работе «Очерки мордвы» [2] этнически точно и поэтически выразительно пересказывает историю возникновения Абрамова городка.

Вероятно, образ Пургаза во многом навеян этой легендой. Его отношение к Обран ошу, стремление отстоять его любой ценой так же, как делал это его дед, сродни чувствам Абрамки из пересказанной П. И. Мельниковым-Печерским легенды. К тому же необходимо упомянуть и о том, что военную хитрость, описанную преданием, почти без изменений К. Г. Абрамов изображает в эпизоде обороны и гибели мордовского войска под предводительством деда Пургаза – Обрана. Согласно тексту произведения, история мордовского города-крепости заканчивается исчезновением места ее расположения с ландшафта. Вот что видит Пургаз на месте любимого детища: «... Пургаз почувствовал себя как во сне: на том месте, где он всю жизнь видел гору и на ней городок, ничего не было. Он подъехал поближе и остановился на краю глубокого оврага, дно которого было завалено лесом. Могучие дубы, осинник и орешник – все смешалось с землей» [1, с. 24].

Обран ош – центр, который соединяет мордовскую землю с другими. Это сердце Мордовской земли, место, которым хотели бы завладеть и русские, и болгары, что

обусловлено местоположением городка. «Опасность грозит с запада, из-за Оки. Говорят, Владимирский великий князь спит и во сне видит Обран ош. Из-за Оки в Мордовскую землю приходят не только торговать, бегут от тяжелой княжеской руки русские люди в одиночку и с семьями. Старик не гонит их, пусть живут. Мордовская земля большая, места хватит. Не все этим довольны. Некоторые люди из других родов ворчат: зачем, мол, привечаешь пришлых, скоро самим негде будет жить. Обран лишь усмехается, – разве можно отказывать тем, кто просит помощи? Не по своей воле приходят сюда русские – бегут от тех же враждующих князей, которых так опасается теперь старый Обран» [1, с. 11].

Характеризуя таким образом главу Мордовского рода – Обрана – как человека справедливого, миролюбивого, спокойного и рассудительного, автор не забывает упомянуть о сложившихся отношениях русских и мордвы: с одной стороны, мордва гостеприимна и не злопамятна, а с другой – всегда готова выступить на защиту своей земли от врагов-князей. Беда мордвы в том, что она разорена, разрознена, каждый род обособлен и порой не знает границ своей земли, точного количества членов рода. Дело объединения мордвы завершит Пургаз, а начать его пришлось еще деду – Обрану. В этом плане показательна встреча Обрана и Пурся, главы одного из мокшанских родов, который живет по соседству с эрзянским родом Обрана. Причина встречи – трудности, с которыми столкнулся род мокшан. Решено было собрать глав родов и попытаться воссоединиться. Однако этому не суждено было случиться, Обран погиб, защищая свой город от русских князей-завоевателей. Мужественно сражались мордовские воины, немало их полегло, но городок свой отстоять они не смогли. Погиб Обран и несколько его сыновей. Они умерли как настоящие мужчины, так было принято в их роду. С детства мечтал Пургаз быть достойным их. Слишком много значил для него Обран ош, чтобы потерять его, самое сердце Мордовской земли.

После поражения Обрана дружественные войска болгар помогли мордве вернуть Обран ош. Для того чтобы сохранить его, чтобы сделать свой народ богаче и мудрее, задумал девятнадцатилетний Пургаз побывать в чужих краях. Уже в это время его характер отличается нестигаемостью, целенаправленностью, непреклонностью. Решив что-то, он от своего замысла не отказывается ни при каких обстоятельствах. Задумав побывать в болгарской земле, Пургаз обращается к тогдашнему главе рода – Ушмаю – за помощью, просит обучить болгарскому языку: «Не хочу ехать туда немым», – объясняет он» [1, с. 11].

Характеризуя своего героя как натуру цельную, одаренную, автор особо выделяет его нравственный стержень. Поступки Пургаза осмысленны, хорошо продуманы, он предпринимает множество серьезных действий. Одно из них – объединение мордвы. Сложное это дело. Но мысли о благополучии, процветании родной земли не могут не

тревожить такого человека. Показывая своего героя как создателя, автор прибегает к хорошо известному в литературе приему воссоздания внутреннего состояния персонажа – к так называемому потоку мыслей. Писатель сразу приводит мотивированные этими переживаниями поступки. Тем самым он добивается эффекта цельности изображаемой природы.

На наш взгляд, заслуга автора произведения заключается в том, что он подходит к описанию исторической личности как одаренный психолог, серьезный ученый-историк. Понимая, что хороший, положительный человек, которого судьба ставит в постоянную позицию выбора, не может не делать неправильных с точки зрения морали поступков, автор постоянно ставит своего героя в позицию выбора. Цель и смысл жизни Пургаза – объединение Мордовской земли – были почти достигнуты, когда вновь нависла внутренняя угроза. Тогда-то и решился мордовский инязор на оправданный, но бесчестный поступок. Он понимал, что русские князья не оставят Мордовскую землю в покое и, как только вспыхнет ссора внутри мордвы или же между мордвой и русским князем, Тенгуш переметнется к Пурейшам, и тогда придет конец независимой земле Мордовской. А ускорит этот процесс сама мордва. Лишь смерть Тенгуша могла остановить надвигающуюся беду, которая, как большое колесо, грозила раздавить мордовский народ. Услышал инязор долгожданную страшную весть о гибели Тенгуша в середине зимнего месяца. Кровавая тайна не давала покоя Пургазу-человеку в то время, когда Пургаз-инязор спокойно говорил в Доме Старейшин после избрания нового главы рода, которым стал Промаз, старший сын покойного.

Пургаз у К. Г. Абрамова лишен сомнений, он прямолинеен и честен. После периода отчаяния и безысходности он вновь становится таким же. Сильное душевное переживание отступает. Пургаз уже больше не считает себя убийцей.

Сильный, смелый воин, дальновидный предводитель, Пургаз представлен в романе и с другой стороны. Он любящий человек. Счастлива с ним Руша. Та, которую пожалел он в Великом городе в Булгарии и купил на невольничьем рынке. Много лет прошло с тех пор. Отыскал и привез Пургаз мать своей Руши, мокшанку из соседнего рода, женщину одинокую и болезненную. Этот личностный поступок как нельзя лучше характеризует глубинную суть Пургаза.

Проходит время, и Пургаз понимает, что большая часть жизни уже прошла. Пришла пора подводить итоги жизни. Мечтал Пургаз сделать народ свой грамотным. Не суждено было сбыться его мечте.

Многие исследователи обращались к этому историческому моменту. Мимо такого материала, естественно, не мог пройти и К. Г. Абрамов, создавая свою версию жизни и деятельности мордовского инязора. Как главе части мордовских родов, Пургазу присуща

ответственность за судьбы вехомых: каждого человека в отдельности и всего народа в целом. Именно это не может оправдать жертвенности, а сознание того, что мордва может вообще исчезнуть с лица земли, приводит к частичному смирению, поскольку именно смирение, проявляющееся в осторожности и осмотрительности, может сохранить воинов для новых битв за независимость родного края и своего народа. И, как следствие этого, Пургаз, почувствовав слабые стороны противника, вновь и вновь нападает на врага. Теперь он не объединитель и устроитель, он борец за свободу мордвы, за независимость, за ее самостоятельность. Так и остался мордовский инязор непобедим. Исчез, но не сдался. Возможно, именно это роднит роман К. Г. Абрамова с летописными источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К. Г. Пургаз. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. – 464 с.
2. Мельников П. И. (Андрей Печерский) Очерки мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 136 с.
3. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 245 с.

ЖИНДЕЕВА Е. А., КУЗЬМИН А. В.

**СООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО И ПРИРОДНОГО НАЧАЛА
КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЗМА
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация. В статье рассмотрены примеры авторской трансляции природного начала в историческом повествовании писателей Мордовии. Функциональный аспект изображения природы в предложенных в статье рассуждениях имеет личностный характер, который проиллюстрирован конкретными примерами из рассматриваемых произведений.

Ключевые слова: замысел, композиционная роль описания природы, автор, художественный психологизм.

ZHINDEEVA E. A., KUZMIN A. V.

**CORRELATION OF PERSONALITY AND NATURE
AS THE BASIS OF LITERARY PSYCHOLOGISM
OF THE HISTORICAL NARRATIVE IN MORDOVIAN LITERATURE**

Abstract. The article considers some examples of author's rendering of nature in the historical narrative of Mordovian writers. The functional aspect of nature representation is author's individual. The statement is illustrated with specific examples from corresponding literary works.

Keywords: conception, compositional role of nature description, author, literary psychologism.

Понимание художественного психологизма в современном отечественном литературоведении широко распространяется на ряд характерных признаков художественного текста как такового. Обращение к описанию данного явления в художественном тексте уже давно стало признаком мастерства писателя и объектом интерпретации читателя-любителя и специалиста, причин тому много. Не исключение и мордовская литература в целом, на каком бы из трех языков творчества не выполнен был художественный текст.

Природа как непосредственный компонент изображения окружающего мира довольно часто встречается в любом художественном произведении. Функции ее в конкретном воспроизведении напрямую зависят от авторского замысла и воспринимаются в соответствии с сюжетообразованием или как вставные конструкции, или как необходимая детализация, которая представляет собой прием психологизации в произведении.

Психологизация как особая характеристика художественного целого, позволяет рассматривать внутреннее состояние центрального персонажа в соответствии с

совокупностью изображения природных явлений с позиций возможной идентификации. Таким образом, внимание к душевным состояниям, их изменениям, характерным обстоятельствам проявления тех или иных рефлексивных поведенческих мотивов и соотношение изменений в природе – основа классической формы психологизма, широко распространенной в мордовской современной литературе. Так, в значительной степени в современной мордовской литературе природа, с одной стороны, изображается как подтверждение органичности чувств, характеров, обстоятельств, с другой – результат размежевания с ней ассоциируется у автора, а вслед за ним и у читателя с катастрофичностью бытия. В этом смысле М. Брыжинский, автор повести «Ради братьев своих» не выходит за рамки национальных истоков. Мордовское устное народное творчество воссоздает образ природы как эквивалент совершенства и гармонии, что и транслирует автор в описание своей главной героини. М. Брыжинский не случайно делает сравнения с природными явлениями, говорит о Марии как о части природы. Автор прибегает к интереснейшему, на наш взгляд, приему: он делит жизненный путь своей героини на четыре этапа. Это то время, когда девушка была свободна и жила с отцом и дедом; период замужней жизни, когда, выйдя замуж за крепостного, она сама стала крепостной; ее жизнь в монастыре; наша героиня – предводитель крестьянского отряда. В связи с этими этапами изменяется и имя – Мария в девичестве, Марья замужем, при постриге – Алена и, наконец, Алена Арзамасская-Темниковская – во главе большого крестьянского войска.

В начале повести Мария свободна, радостна. Она счастлива: у нее есть отец, дед, любимый. На душе легко и светло. И описание природы сродни чувствам героини. «Вечер опускался осторожно и нежно» [3, с. 14]. Произшедшее горе изменяет Марию до неузнаваемости. Безмерно оно: потеряла она и мужа, и сына, и отца. Вторит ее горю земля родная: «Тучи заволокли небо. Сразу стало темно, холодно, пусто» [2, с. 104].

Совсем по-иному описывается природа после того, как Алена поднимает бунт против несправедливости и угнетения. Вместе с героиней природа страдает, бунтует и ищет выхода из создавшегося положения: «Разразилась великая гроза. Дождь смывал со своего пути все» [2, с. 159–160].

Символичны и описания животных в произведениях. В данном тексте быстрый бег коня воспринимается читателем как ничем не ограниченная свобода, стреноженный конь на лугу – как безмятежный покой и отдых. Согласно авторскому замыслу и восприятию действительности животное становится эквивалентом отношения героя и автора к его владельцу или хозяину: «Жеребец ходил вокруг Пургаза и смачно хрумкал сочной травой. Время от времени он поворачивал голову к лесу, прядал ушами и тихо ржал, чувствуя там, в лесу, других лошадей, которые паслись на лесных полянах. Пургаз посмотрел на звездное

небо – время близилось к полуночи. Должны бы пропеть первые петухи, но в городке было тихо» [1, с. 296]. Конь разделяет нетерпение и ожидание хозяина, о жеребце автор говорит с уважением, через него характеризует владельца. Есть и совершенно противоположные описания животных. Например, господская свинья в повести М. Брыжинского «Ради братьев своих». Та самая свинья, которая съела крошку-сына главной героини – Марьи. В образе свиньи объединяется очень многое: и ее огромная власть над крепостными людьми (только потому, что она господская); связь этого животного со своим хозяином (слишком они похожи друг на друга). Описания действий этого животного не случайны. Они не оставляют сомнений в антикрепостнической направленности этого произведения. Однако не только это заставляет прибегнуть писателя к столь изощренной уродливости, неестественности жизни. Автор прибегает к подобным описаниям и трактовке не случайно. Для него важны не только единичность случая (а таковые известны истории в целом), но и некоторая их обыденность, не имеющая ничего общего с гуманностью и эстетизмом. Это некая психологическая деталь эпохи, соотнесенная с общим колоритом жизни бедных людей того времени.

Думается, что именно с позиций психологического анализа текста необходимо рассматривать и образ коровы в этой повести: «Коровушка – матушка, кормилица наша», – именуют ее крестьяне. После того, как Алена увидела, что келарница монастыря, где Марья приняла постриг, клеймит украденную у крестьянина корову, наступило прозрение героини повести М. Брыжинского. «И тут она вдруг поняла – келарница и немой Васяй метили монастырским тавром приведенный нынешней ночью «темный скот». Гнев захлестнул горло Алены. «Что делается! – ужаснулась она. – Как же они могут?! Ведь эта корова, может, единственная кормилица семьи. Как же теперь ребятишки? – Она представила, как хозяйка утром выходит подоить свою кормилицу, а видит настежь раскрытые ворота и пустой двор. Представила, как на ее крик сбежалась вся семья, плачущих ребятишек, растерянного, мечущегося хозяина» [2, с. 64].

Передавая эту драматическую сцену в повести, автор сосредоточивает наше внимание на характере героини. Практичный крестьянский ум помогает Алене разобраться в происходящем, горячее, справедливое сердце не позволяет ей дальше жить так, как будто ничего не произошло. Вероятно, автор не случайно показывает близость героини с природой, которая так незаурядно изображена на протяжении всего повествования. Особенно ярко это передается в сцене собирания трав и врачевания главной героини: «Как ни тяжело было Алене одной управляться, но она все же выкраивала время и иногда уходила в лес и бродила там одна» [2, с. 26].

Таким образом, совмещая национальный колорит и близость героини к природе, автор показывает особенности характера Алены. Эта гордая, трудолюбивая женщина, знающая

некоторые секреты природы, пришедшие к ней от ее бабушки, находит в себе силы и впоследствии негибаемо стоит за правое дело.

Одним из принципиально важных ракурсов изображения природы в художественном тексте является сокровенно-любственное отношение к ней, свойственное практически всем писателям. Пейзажная живопись в литературе весьма распространена и практически всегда демонстрирует патриотический настрой писателя. Такие примеры имеют место и в исследуемых текстах: «Нет конца лесу, наполненному птичьим гомоном и тихим шелестом листьев. И Пургаз только теперь понял, что все эти годы тосковал именно по лесу, и по этому лесу, через который шла неширокая извилистая дорога с примятой колесами и копытами муравой, со следами конского помета и плотными листьями подорожника по обочинам. Сколько раз ходил он по этой дороге, приминая ее босыми пятками! Сколько раз проезжал, сидя в телеге с дедом Обраном, с дядьями, братьями! И всегда радовался этому лесу, любовался им, восхищался. Нет, такого леса не увидишь больше нигде – ни в арабских землях калифа, ни в болгарских землях хана. Здесь не палит солнце, как в Багдаде, не шумит базарная разногласица, как в Великом городе. Это лес, и у него свои обычаи – спокойно и без суеты нести миру вечное обновление.

Теперь и сам Пургаз не понимал, как он мог столько лет прожить в чужой земле и не умереть от тоски. Он глубоко, всей грудью вдохнул свежий лесной воздух, и всего его существо наполнила сладкая радость» [1, с. 191–192].

Многоплановый, многосторонний характер изображения природы дает возможность детально воспроизвести не только чувственный мир героя, но документальные детали, необходимые для любого исторического повествования как жанровой разновидности эпического. В нашем случае речь может идти о дереве, около которого проходят моляны в повествовании К. Г. Абрамова «Пургаз». Вероятнее всего речь здесь идет о священном дубе, одном из уникальнейших и старейших деревьев на территории Мордовии. До настоящего времени Большеберезниковском районе Мордовии, в Симкинском природном парке растет он, со временем превратившийся в легенду, о живительной магической силе которой говорят и поныне. Благодаря изображению еще молодого дерева можно определить время действия в романе. Таким образом, элемент природы способен стать маркером времени в художественном произведении. Более того, относительно данного примера мы можем говорить о мифологической составляющей изображения природы.

Функциональный аспект изображения природы в рассуждениях автора имеет личностный характер, который проиллюстрирован конкретным восприятием изображаемого и спроецируем на читателя произведения. Частично мы уже говорили об этом [3; 4; 5]. Исторический жанр накладывает дополнительные условия воспроизведения природного начала.

Речь здесь не идет о принципиально другой картине мира. Скорее это некая проекция того, что могло быть, но в настоящем уже изменилось. Такие нюансы в художественном тексте свидетельствуют о мастерстве писателя, но совершенно не обязательны.

Проявление глубинных ассоциаций, сопряженных с философскими размышлениями героев, достаточно часто соседствует с пейзажными зарисовками в произведении. Философичность и неоднозначность трактовки природного начала позволяет выявить суть не только характера изображаемого героя, но и общества в целом. Убедительность же подобных суждений напрямую зависит от мастерства автора-повествователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К. Г. Пургаз. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 464 с.
2. Брыжинский М. И. Ради братьев своих. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 279 с.
3. Жиндеева Е. А. История. Литература. Личность: к вопросу о концепции личности в мордовской художественной прозе Мордовии / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2000. – 242 с.
4. Жиндеева Е. А. Парадигматические отношения в современной литературе Мордовии // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 3. – Т. 1. – С. 62–65.
5. Жиндеева Е. А., Шигуров В. В. Авторский комментарий как «путеводитель» читателя в системе организации художественного текста // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 3. – С. 127–130.

СМЕТНЕВА А. Ю.
СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ОБЫЧАЕВ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
ПОВЕСТВОВАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ МОРДОВИИ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности интерпретации и способы введения в художественную систему литературного произведения национальных обычаев, что позволяет говорить об органичной связи мордовского литературного текста с образцами устного народного творчества мокши и эрзи.

Ключевые слова: национально-обрядовая культура мордвы, устное народное творчество, традиции, сквозные образы, этнос.

SMETNEVA A. YU.
SPECIFICS OF TRADITIONAL RITES REPRESENTATION
AS A FEATURE OF THE NARRATIVE OF MORDOVIAN WRITERS

Abstract. The article considers the features of interpretation and ways of introducing traditional rites into a literary work. The study reveals an organic integration of Mokshan and Erzian folklore samples into the Mordovian literary text.

Keywords: traditional and ritual culture of Mordva, folklore, traditions, recurring character, ethnic group.

Народный обычай как богатейший источник изучения специфики мордовской культуры привлекает внимание не только специалистов в области этнографии, истории, археологии, но и притягивает к себе взгляды писателей, желающих художественно осмыслить реальную действительность. Именно поэтому данный аспект функционирования художественного текста не может быть неинтересен и литературоведу, и литературному критику.

Общеизвестно, что первичным текстом, вобравшим в себя народный обычай, является фольклор как значительная часть культуры каждого этноса. Устное народное творчество мордвы богато, своеобразно, высокохудожественно. Т. П. Девяткина в своей монографии о мифологии мордвы делает попытку выявить локальное своеобразие свадебных обрядов у различных территориальных групп мокши, а также характеризует жанровый состав и поэтические особенности свадебных песен, прослеживает их связь с традиционным бытом народа. Она рассматривает систему традиционного миропонимания, которая отражает в себе не только космогонические мифы, но и обрядовую сферу. Автор дает представление о пантеоне мордовских божеств [5].

Большой вклад в изучение национально-обрядовой культуры мордвы внесли и писатели, отражающие в своих произведениях различные грани мордовского обряда. Анализируя мордовские литературные сказки о животных (например, Я. Пинясова), обратим внимание на имевшиеся в них следы почитания медведя. В ряде мордовских сказок медведь женится на девушке, в результате их брака рождаются необычные люди-богатыри, носители возвышенного, защитники народной правды. В мордовских свадебных обрядах медведю в прошлом отводилось очень большое внимание, как покровителю рода невесты. Тотемное превосходство медведя над другими образами животных объясняется восприятием медведя как символа деторождения, силы, достатка, который требует к себе особого уважения, почитания.

Традиция мордовской старинной свадьбы имеет отражение и в драматической поэме М. Бебана «Вийхца рвя» («Невеста поневоле»), написанной полностью на сюжет старинной свадьбы. Отправной точкой для создания драматической поэмы «Вийхца рвя» («Невеста поневоле») явилась судьба мордовской женщины в прошлом. Действие в поэме относится, примерно, к XVII столетию. Картины традиционной мордовской свадьбы воспроизводятся такими же изобразительно-выразительными средствами, какие присущи свадебной обрядовой поэзии. В поэму введены свадебные причитания, песни, стихотворные импровизации и другие жанры. Особенно удачно в драматической поэме проявилось умение автора выразить переживания героини с помощью вопросительной формы причитаний: «Али курце емлалгодсь? Али кшице ашезь шач? Мее, алякай, панцамак?» «Или рот (твой) уменьшился? Или хлеб (твой) не уродился? Почему, тятенька, выгоняешь меня?» [3, с. 32] Автор не нарушает хода традиционной свадьбы, он точно передает своеобразие быта, нравов и обычаев тех далеких времен. Этот период творчества интересен в том отношении, что он дает возможность наблюдать творческие поиски М. Бебана, попытки использовать художественные богатства мордовской национальной свадьбы.

Многообразно и широко применяет народные обряды и обычаи А. Куторкин в романе в стихах «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги»). Поэт пишет о людях и событиях, происшедших в конце XIX – начале XX века. Существенное место в обрисовке жизни и уклада дореволюционной мордовской деревни занимают обрядовые и бытовые сцены. Так, в роман включены сцены традиционной свадьбы, которые дополняют картины народной жизни самобытным материалом, придают описываемым событиям и героям большую выразительность. Известно, что свадьба всегда связана с жизнью определенного человека. А. Куторкин тоже стремится к индивидуализации образа, отразить наиболее характерные, свойственные персонажу черты. В изображаемой в романе свадьбе встречаются все жанры свадебного обряда: причитания, корильные и величальные песни,

каламбурные выражения. Именно под влиянием народной поэзии и с помощью фольклорного жанра причитаний определился один из важнейших приемов лирического повествования А. Куторкина. Ему национальные обряды и обычаи служат средством воспроизведения исторической действительности. Они несут различные идейно-художественные нагрузки, но вместе с тем все они служат одной цели – реалистическому отражению действительности, углубленному раскрытию идейного содержания романа. Традиции народной обрядности в романе сказываются и в системе средств художественной изобразительности. Роман «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги») показывает нам пример умелого использования опыта народной поэзии и этнографии. Здесь писатель проявляет себя как мастер освоения народного художественного опыта. В самом деле, в романе фольклору принадлежит большое место, он наряду с историческими документами лег в основу повествования. Весь этот материал А. Куторкин подверг переработке и переосмыслению, он подчиняет его одной художественной задаче – раскрыть подлинные события, занимающие важное место в истории мордовского народа.

Произведениям К. Абрамова суждено стать самыми известными в современной мордовской литературе. Его творчество привлекает внимание поэтичностью авторского восприятия жизни, правдивостью и непосредственностью изображаемых событий. Писатель показал себя мастером психологической разработки образов. Трудно представить большого писателя без знания национальной культуры своего народа. Как отмечают исследователи, многие произведения К. Абрамова пронизаны национальными традициями мордовского народа. Особенно широко представлена традиционная обрядность в романе «Пургаз». Свадебные, погребально-поминальные обряды, языческие моления, жертвоприношения, включенные в ткань произведения, становятся его органичной частью, сливаются с судьбами героев. Особенно много внимания автор уделяет культуре предков: заботе об умерших, молениям и жертвоприношениям в их честь. «Старейшины молян всех родов готовятся под липами к свершению обряда... Моление началось... Тихим голосом старший поблагодарил Ине Шкая за добрую весну и горячее солнце,.. просил защитить их землю и людей от страшных набегов врагов с юга и севера, с запада и востока. Моление продолжалось долго...» [1, с. 154]. Романы К. Абрамова представляют собой самобытное творение талантливого писателя, в которых народные обряды и обычаи необходимы для поэтического воссоздания прошлых эпох.

В русле фольклорных традиций представлен религиозный аспект целого ряда мордовских повествований. Мы согласны с профессором Е. А. Жиндеевой, которая считает, что «концентрированность сюжета, лаконизм, философский контекст позволяют отнести произведение к разряду притч» [6, с. 29]. Нередко в произведениях мордовских авторов

язычество и христианство живут в мордве, и сложно определить степень первичности / вторичности вероисповедания. В этом отношении показательна реальная история крещения С. Д. Нефедова (Эрзи), практически дословно по свидетельству родственников скульптора вошедшая в роман А. Моро. «Неделю он жил без имени – ждали отца, который, как и многие крестьяне из мордвы, находился на заработках. Но по обычаям старины ребенок не должен долго оставаться без имени, так как нечистая сила может сглазить младенца. Боясь такого лиха, старухи, приверженцы язычества, уговорили мать пойти в священную дубовую рощу, где по старому обычаю предков дали имя новорожденному Вирьтяка – дитя лесов. Священник, узнав о вероотступничестве, грозился предать родителей анафеме» [9, с. 5].

Однако этого не случилось, и автор, изображая сцену крещения, особо подчеркивает: «Старухи крестились и хитро нашептывали друг другу на ухо: «Все равно от нашей веры теперь не уйдет, мы своего Бога ему в сердце посадили. Вместе с ним и в рост пойдет. Почтения предков не забудет, от кабалы людей избавит, а крест нового Бога пусть себе висит на шее, авось годится от лихих начальников отбиваться» [9, с. 9].

Поэтому и молчание (неумение говорить) Степана было воспринято с позиций, «что за дитя два бога дерутся, мордовский Нишке и церковный Христос. Поэтому мальчик и будет молчать до тех пор, пока один из них не одолеет другого» [9, с. 9]. В том, что столкновение верований – элемент авторской стилизации, нет сомнений, поскольку речь идет о 80-х годах XIX в. Если учитывать, что христианство мордва приняла еще в конце XVIII в., а некоторые языческие традиции не утратила до настоящего времени, то художественная литература становится транслятором современного состояния религиозных исканий.

Использование элементов традиционной обрядности, включение народных обычаев в художественные тексты можно встретить и в творчестве других мордовских писателей (Д. Морской «Ульяна Сосновская», Т. Раптанов «Татю», М. Безбородов и др.).

Народно-поэтический источник, питавший мордовскую литературу и в период становления, и в последующие годы, по образному выражению А. В. Алешкина, «никогда не пересыхал» [2, с. 99]. Поэтому исследование особенностей «вплетения» народного обычая как отражения народной поэтики в ткань художественного произведения считаем особенно значимым.

Таким образом, национальные обычаи и обряды являются важной составной частью в системе ряда художественных произведений как классиков, так и современных мордовских авторов. Введение обрядов и традиций в систему литературного текста во многом воспринимается как калька социально-экономических условий жизни общества, которая хранит как традиции обрядности, так и транслирует исконно народные обычаи, что

собственно и позволяет последующим поколениям понять сущность предшествующих этапов исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К. Г. Пургаз. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 464 с.
2. Алешкин А. В. Реальности ускорения развития и эстетический потенциал мордовской литературы // Аспект – 1989. Исследования по мордовской литературе: сб. ст. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – С. 4–17.
3. Бебан М. А. Моя весна. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1957. – 112 с.
4. Безбородов М. И. В родных полях. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1947. – 52 с.
5. Девяткина Т. П. Мифология мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1996. – 393 с.
6. Жиндеева Е. А., Палькина Т. Н., Уторова Е. А. Православные традиции и поиски себя в русской прозе Мордовии конца XX – начала XXI века: монография. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2010. – 106 с.
7. Куторкин А. Д. Яблоня у большой дороги. – М.: Сов. писатель, 1959. – 272 с.
8. Маскаев А. И. Мордовская народная сказка. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1947. – 185 с.
9. Моро А. Степан Эрзя. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. – 116 с.
10. Морской (Мальшев) Д. И. Ульяна Сосновская // Свежая борозда. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 272–294.
11. Пинясов Я. И. Дедушкин полюс. – М.: Детгиз, 1963. – 79 с.

БУСАРОВА Е. А., АРИСКИНА Т. П.

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК ЭЛЕКА БЕНЕДЕКА)

Аннотация. В статье анализируются типы односоставных предложений в венгерском языке, освещается состояние их изученности. Материалом для исследования послужили сказки Элека Бенедека.

Ключевые слова: синтаксис, венгерский язык, простое предложение, односоставное предложение, неопределенно-личное предложение, обобщенно-личное предложение, безличное предложение, номинативное предложение.

BUSAROVA E. A., ARISKINA T. P.

ONE-MEMBER SENTENCES IN HUNGARIAN LANGUAGE:

A STUDY OF FAIRY TALES BY ELEK BENEDEK

Abstract. The article presents an analysis of the types of one-member sentences in the Hungarian language. A review of the research background of the sentences in question is provided. The fairy tales by Elek Benedek are used as the practical material of the study.

Keywords: syntax, Hungarian language, simple sentence, one-member sentence, indefinite personal sentence, generalized personal sentence, impersonal sentence, nominative sentence.

Традиционное финно-угорское языкознание не отличалось разнообразием описательных работ по исследованию структуры и семантики простого предложения в венгерском языке. Мы с полной уверенностью можем утверждать, что до настоящего времени наиболее полным описанием грамматики венгерского языка, в том числе и синтаксиса простого предложения, остается фундаментальный трехтомный труд К. Е. Майтинской «Венгерский язык» [7; 8; 9]. В данной работе, созданной, по мнению В. Ю. Копрова, «под сильным влиянием традиционной концепции академической грамматики русского языка ГРЯ – 54» [5, с. 24], в венгерском языке выделяются такие же типы предложений, что и в русском, однако учитываются и результаты, которые были получены венгерскими учеными-предшественниками. В указанном исследовании предложения венгерского языка делятся на следующие типы: двусоставные и односоставные, которые могут быть распространенными и нераспространенным, полными и неполными. Наряду с ними К. Е. Майтинской выделяются «частично-полные» предложения, в которых «часть необходимых для самостоятельного высказывания членов выражена не отдельными словами, а грамматическими формами других членов предложения или указывается в придаточном предложении» [9, с. 123].

Изучив работы А. Клемма [11], Й. Балашша [1], К. Е. Майтинской [9], В. Ю. Копрова [3; 4; 5; 6], А. П. Гуськовой [2] и других ученых-языковедов, мы можем говорить о двух подходах (концепциях) к изучению простого предложения в венгерском языке. Первый – это традиционный (К. Е. Майтинская), при котором все простые предложения венгерского языка делятся на двусоставные и односоставные (распространенные и нераспространенные, полные и неполные). Вторая (новая) концепция (В. Ю. Копрон) предполагает деление предложений на классы в зависимости от количества актантов в их семантических структурах (одно-, дву-, трех- и четырехактантные), которые в свою очередь подразделяются по частеречным типам: номинативные, адъективные, нумеративные, вербальные, партиципиальные, деепричастные.

Мы в своем исследовании вслед за К. Е. Майтинской будем придерживаться традиционного подхода к рассмотрению односоставных предложений в венгерском языке. К односоставным предложениям исследователь относит предложения, содержащие только один главный член. На этом основании К. Е. Майтинская указанные конструкции распределяет по следующим группам: неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и номинативные.

Односоставные предложения могут быть как распространенными, так и нераспространенными, как полными, так и неполными.

Неопределенно-личные предложения

Неопределенно-личными называются предложения, в которых главный член имеет форму 3-го лица множественного числа, но субъект (одно лицо или множество лиц) действия или носитель состояния является неопределенным, неизвестным, иногда же его (их) просто не называют. В данных конструкциях субъект мог бы выражаться словами *valamilyen emberek* ‘какие-то люди’, однако в указанных предложениях действитель совершено выключается из нашего поля зрения, например:

Hogy azt mondják, az új szultán házasodik [9, с. 215] ‘Говорят, новый султан собирается жениться’;

Reggel hétkor harangoznak [9, с. 215] ‘Утром в семь часов звонят’.

Неопределенно-личные предложения могут быть нераспространенными, например: *Kopogtatnak* ‘Стучат’. *Csengetnek* ‘Звонят’.

Предложений данного типа в сказках Элека Бенедека мы не обнаружили.

Обобщенно-личные предложения

Обобщенно-личные предложения иногда рассматриваются совместно с неопределенно-личными, хотя субъектом действия или носителем состояния в рассматриваемых нами предложениях является любой человек, поставленный

в соответствующие условия. Следовательно, субъект таких предложений мог бы выражаться словами *minden ember* ‘все люди’ (а не *valamilyen emberek* ‘какие-то люди’, как в неопределенно-личных предложениях), однако подлежащее в подобных предложениях не употребляется.

В обобщенно-личных предложениях главный член может иметь формы разных лиц:

– 3-го лица множественного числа, например:

Ajándék lónak nem nézik a fogát (Пословица) ‘Даренному коню в зубы не смотрят’;

A hazug embert hamarabb utolérik, mint a sánta kutyát (Пословица) ‘Лжеца поймают быстрее, чем хромого собаку’;

– 1-го лица множественного числа (этот способ особенно часто используется в авторской речи), например:

Hanem a mi Péter, Pálunk háza körül mást találunk [9, с. 216] ‘Но между домами нашего Петра и Павла мы находим другое’;

– 2-го лица единственного числа (этот способ особенно часто используется в пословицах и поговорках, содержащих советы), например:

Járt utat a járatlanért el ne hagyj (Пословица) ‘Торную дорожку на непроторенную не меняй’;

Nyugtával dicsérd a napot (Пословица) ‘Цыплят по осени считают (букв.: хвали день, когда он кончился)’;

Amit ma megtehetsz, ne halaszd holnapra (Пословица) ‘Что можешь сделать сегодня, не переноси на завтра’;

– 2-го лица множественного числа (этот способ используется очень редко), например:

Hej, halljatok csudát, mi történt! [10, с. 59] ‘Эй, слышали чудо, что случилось!’;

Járjatok be minden földet, melyet isten megteremtett, s nem akadtok bizonyára a Magyar nemzet párijára [9, с. 216] ‘Исходите все земли, какие только создал Бог, и не найдете, по всей вероятности, равной венгерской нации’.

Безличные предложения

Безличными называют односоставные предложения, в которых подлежащее отсутствует и не может быть вставлено. В венгерском языке рассматриваемые предложения употребляются гораздо реже, чем в русском.

Выделяются семь разрядов безличных предложений:

1. Предложения, выражающие явления природы, со следующими главными глагольными членами в форме 3 л. ед. ч.: *fagy* ‘морозит’, *esik* ‘дождь идет’, *havazik* ‘снег идет’, *olvad* ‘тает’, *reggeledik*, *hajnalodik*, *virrad* ‘светает’, *esteledik* ‘вечереет’, *sötétedik*

‘темнеет’, *villámlik* ‘сверкает молния’, *mennydörög* или *dörög* ‘гремит’. В сказках Элека Бенедека предложения этого разряда не встречаются.

2. Предложения, содержащие сложный главный член. С инфинитивами глаголов в безличных предложениях сочетаются *kell* ‘нужно, необходимо’, *lehet* ‘можно’, *sikerül* ‘удается’ и др.: *Mit lehet csinálni?* [10, с. 5] ‘Что можно сделать?’; *...el sem akarták engedni* [10, с. 7] ‘...не хотели выпускать’.

3. Предложения, содержащие главный член, выраженный инфинитивом глагола: *...de nevetésem ritkán hallani* [9, с. 220] ‘...но смех мой редко слышен’.

4. Побудительные предложения: *Indulj!* ‘Марш’ (букв.: ‘Отправляйся!’); *Sorakozz!* ‘Стройся!’; *Beszélni!* ‘Говорить!’; *Föl a fejjel!* ‘Выше голову!’.

5. Восклицательные предложения, выражающие различные модальные отношения (удивление, досаду, боль и т. д.) и характеризующиеся модальными частицами и междометиями, а также содержащие звукоподражательные слова: – *Hm!* – *mondja a királyfi* [10, с. 233] ‘– Гм! – говорит принц’; – *Jaj!* – *mondja a juhász* [10, с. 126] ‘– Ай! – говорит овчар’; – *Kar! Kar! Kar!* – *károgtak a varjak* [10, с. 129] ‘– Кар! Кар! Кар! – каркали вороны’. В сказках Элека Бенедека данный тип предложений встречается довольно часто.

6. Предложения, содержащие приветствия и обороты вежливости: *Köszönöm, Kondás Jankó* [10, с. 117] ‘Спасибо, Кондаш Янко’; – *Köszönöm, Vas Laci* [10, с. 130] ‘Спасибо, Ваш Лаци’; – *Szívesen, édes fiam* [10, с. 169] ‘– Пожалуйста, дорогой сынок’.

7. Предложения, выражающие утверждение, реже – отрицание на вопрос: например: – *Ember-e ez, farkas koma?* – *Nem* [10, с. 124] ‘– Человек ли это, волк-кум? – Нет’; – *Hát ez ember-e?* – *Nem* [10, с. 124] ‘– Человек ли? – Нет’.

Номинативные предложения

Номинативные (назывные) – это предложения, состоящие из имени существительного (очень редко местоимения) в форме основного падежа, иногда сопровождаемого определением, реже – артиклем: *Az aranytulipán* [10, с. 194] ‘Золотой тюльпан’; *A vörös tehén* [10, с. 302] ‘Красная корова’.

В венгерском языке различаются несколько групп номинативных предложений.

1. Собственно-назывные предложения, встречающиеся: на вывесках, в надписях (*Könyvkereskedés* ‘Книжный магазин’; *Nemzeti Múzeum* ‘Национальный музей’); в заглавиях письменных памятников (*Halotti Beszéd és Könyörgés* ‘Надгробная речь и молитва’; *Königsbergi Töredék* ‘Кенигсбергский отрывок’); в названиях литературных произведений (*Egri csillagok* ‘Звезды Эгера’ (Гардони Г.); *Különös házasság* ‘Станный брак’ (Миксат К.)) и др. К этой группе мы отнесли названия сказок Элека Бенедека (*A só* [10, с. 144] ‘Соль’; *A rest macska* [10, с. 398] ‘Ленивый кот’; *Gyöngyike* [10, с. 373] ‘Жемчужинка’ и т. д.);

в названиях фильмов (*Hamis a baba* ‘Фальшивая кукла’; *Az ötödik pecsét* ‘Пятая печать’); в названиях газет, журналов (*Népszabadság* ‘Непсабадшаг’ (газета)).

2. Номинативные предложения, содержащие указание на непосредственно обозреваемое лицо или предмет: – *Zsiványok, zshiványok! Fogjátok meg!* [10, с. 348] ‘– Разбойники, разбойники! Хватайте (держите)!’.

3. Номинативные предложения, содержащие повторное название лица или предмета, о котором говорилось в предыдущем предложении: *Az utóbbi időben sokat beszéltek a fia sikereiről. A fia. Büszke lehetett rá* [9, с. 226] ‘В последнее время много говорили об успехах его сына. Его сын. Он мог им гордиться’.

4. Номинативные предложения могут выступать как восклицательные, указывая на лицо (реже – на предмет) словами, выражающими субъективную оценку. К таким словам относятся следующие: *szegény* ‘бедный’, *szerencsétlen* ‘несчастный’, *szerencsés* ‘счастливым’ и др.: – *Szegény halászember!* [10, с. 40] ‘– Бедный рыбак!; – *Oktalan Tamás* [10, с. 296] ‘– Неразумный Томаш!’

5. Номинативные предложения, содержащие призыв, предупреждение, слова благодарности и извинения: *Segítség!* ‘На помощь!’; *Vigyázat!* ‘Осторожно!’ (букв.: ‘Осторожность!’) и т. д.

6. Номинативное предложение может состоять из обращения: *Felséges királyom!* [10, с. 45] ‘Многоуважаемый король!’; – *Hé, Jancsi! – kiáltott...* [10, с. 167] ‘– Эй, Янчи! – сказал...’.

Необходимо указать, что в сказках Элека Бенедека данный тип предложений является распространенным.

В заключение отметим, что не все типы рассматриваемых нами простых (односоставных) предложений представлены в сказках Элека Бенедека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашша Й. Венгерский язык. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. – 376 с.
2. Гуськова А. П. Сопоставительная грамматика венгерского и русского языков: учеб. пособие. – М.: МГУ, 2012. – 273 с.
3. Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: ВГУ, 1999. – 160 с.
4. Копров В. Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 192 с.

5. Копров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2010. – 328 с.
6. Копров В. Ю. Типовое значение и актантная структура предложения [Электронный ресурс] // Acta Linguistica. – Vol. 2 (2008), 1. – Режим доступа: <http://open.slavica.org/index.php/als/article/view/133/146>.
7. Майтинская К. Е. Венгерский язык. Введение. Фонетика. Морфология. – М., 1955. – Ч. 1. – 300 с.
8. Майтинская К. Е. Венгерский язык. Грамматическое словообразование. – М., 1959. – Ч. 2. – 226 с.
9. Майтинская К. Е. Венгерский язык. Синтаксис. – М., 1960. – Ч. 3. – 368 с.
10. Benedek E. Meséi és más történetek. – Debrecen, 2006. – 400 old.
11. Klemm A. Magyar történeti mondattan. – Budapest. – I, 1928; II, 1940; III, 1942.

ГРЕБНЕВА А. М., ЦЫГАНОВА М. В.

ПРИЗНАКИ ВОСПРИЯТИЯ В НОМИНАНТАХ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье представлен анализ номинантов эрзянского языка, образованных в результате прямого восприятия признаков. С позиции семасиологического подхода рассматриваются четыре основные группы номинантов, являющиеся наиболее активными в данном языке.

Ключевые слова: финно-угорские языки, эрзянский язык, диалектная лексика, говоры.

GREBNEVA A. M., TSYGANOVA M. V.

PERCEPTION FEATURES OF THE NAMING UNITS OF THE ERZYA LANGUAGE

Abstract. The article presents an analysis of the naming units of the Erzya language formed as a result of the direct perception of reality. The semasiological approach is applied to consider the four groups of the naming units as the most frequently used in the language in question.

Keywords: Finno-Ugric languages, Erzya language, dialectal vocabulary, subdialects.

Исследование вопросов диалектной лексики относится к числу первостепенных в связи с тем, что она относится к той части словаря, которая быстро выходит из современного употребления. На протяжении нескольких десятилетий ученые и студенты филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва активно работают над систематизацией диалектологического материала мордовских языков. Ими накоплен уникальный материал, который отражен в диссертационных работах, словарях и отдельных научных исследованиях [2, с. 53–57; 3, с. 100–105; 6, с. 25–31].

Изучение предметов действительности – это то обстоятельство, которое необходимо при изучении номинантов, составляющих богатство любого языка. Под номинантами нами понимаются, прежде всего, те единицы речи, которые представляют собой звуковое выражение понятия о предмете или явлении объективного мира, выполняющие функцию называния и возникшие в определенный период развития языка. Знакомство с основными признаками номинации тех или иных реалий свидетельствует о том, что каждой тематической группе свойственны свои специфические признаки. Например, использование звукоподражания как признака номинации в названиях птиц сомнений не вызывает, однако оно крайне редко встречается в названиях травянистых растений, а в названиях кушаний вообще отсутствует. В то же время можно констатировать, что некоторые признаки, например, цвет, форма, качество, обслуживают ряд тематических групп.

Отличительный знак, который берется за основу наименования номинанта, создает внутреннюю форму, причем он может восприниматься как непосредственно, так и опосредованно [4, с. 91].

В данной статье нами ставится цель – проанализировать семасиологические признаки номинантов эрзянского языка с прозрачной внутренней формой. Рассмотрим четыре основные группы.

1. Наименования, базирующиеся на прямом восприятии цветовых признаков именуемых реалий.

В подобных названиях определяющая роль отводится прилагательным, которые указывают на цвет. В номинантах они выполняет функцию атрибута.

Познавая окружающий мир, человек отбирает для названия объекта отличительный признак из массы имеющихся, который положен в основу того или иного наименования. Так, например, слова-атрибуты: ожо «желтый», тюжа «коричневый», пиже «зеленый», якстере «красный», раужо «черный», ашо «белый», валдо «светлый» – принимают самое активное участие: 1) ожо «желтый»: ожо пря (с. Батушево Атяшевский р-н РМ) «мать-и-мачеха» (< желтая-голова), ожо тикше (с. Сабаево Кочкуровского р-на РМ) «сурепица» (< желтая-трава), оžo šufto (Paasonen) «крушина» (< желтое-дерево), вецэ касэ оже ц'ец'а (с. Дюрки Атяшевского р-на РМ) (< в воде-растущий-желтый-цветок) «кувшинка», оžo pulo (Paasonen) «иволга» (< желтый-хвост), оžo parmun' (Paasonen) «иволга обыкновенная» (< желтая-птица), оžo pr'a-guj (Paasonen) «уж» (< желтая-голова-змея) и т. д.; 2) тюжа «коричневый»: т'ужа гласкат (с. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на РМ) «ромашка аптечная» (< коричневые-глазки), т'ужа панго (с. Семилей Кочкуровского р-на РМ) «рыжик (гриб)» (< коричневый-гриб), т'ужа панш (с. Шокша Теньгушевского р-на РМ) «кубышка желтая» (< коричневый-цветок) и т. д.; 3) пиже 'зеленый': пиже ватракш «лягушка травяная» (< зеленая-лягушка), пиже навамот «коровяк черный (растение)» (< зеленые-опускания), пиже нармунь «синица» (< зеленая-птица), пиже озьяка (с. Дюрки Атяшевского р-на РМ) «синица» (< зеленый-воробей), пиже чекарь (с. Сабанчеево Атяшевского р-на РМ) «ряска» (< зеленая-плесень) и т. д.; 4) якстере «красный»: jaks't'er'e tutma (Paasonen) (< красный-желудок) / jaks't'er'e parmuška (Paasonen) (< красная-птичка) 'снегирь', jaks't'er'e m'ešt'in'e (Paasonen) «малиновка (птица)» (< красная-грудка), йакс'т'ер'е поц'емкай т'икше (с. Дюрки Атяшевского р-на РМ) «клевер луговой» (< красный-сосание-трава), йакс'т'ер'е паңгі (с. Большой Толкай Похвистневского р-на Самарской обл.) «сыроежка» (< красный-гриб) и др.; 5) раужо «черный»: раужо панго «черный груздь», равжа пойин' паңгá (с. Пермиси Большеберезниковского р-на РМ) «груздь настоящий» (< черной-осины-гриб), раужо умарь «черника» (< черная-ягода), равжэ йознэ (с. Тарасово Атяшевского р-на РМ) «гадюка»

(< черная-змея). Название ежевики представлено следующими фонетическими вариантами, которые характерны для эрзянских говоров: равжа ин'з'ей (с. Красная Зорька Кочкуровского р-на РМ) / равжо ин'з'ей (с. Парадеево Ичалковского р-на РМ) / раужо ин'з'ей (с. Симкино Большеберезниковского р-на РМ) / равжэ ин'з'ей (дрк.) (< черная-малина); б) ашо 'белый'. Как правило, в таких наименованиях внутренняя форма представлена ясно воспринимаемой, «живой» и семантически мотивирована. Перечислим некоторые из них. Например, наименование тысячелистника – ашо пря (< белая-голова / ашо пря нар'т'емкс (с. Папулево Ичалковского р-на РМ) (< белая-голова-полынь), ашă пр'а ц'ец'ка (с. Паракино Большеберезниковского р-на РМ) (< белая-голова-цветок), ашо таташка (с. Парадеево Ичалковского р-на РМ) (< белый-цветок), плотвы – ашо кал (< белая-рыба), белой трясогузки – ашо меште (< белая-грудь), лебедя – ашо мацей (< белый-гусь), олова – ашо киве (< белое-олово), песца – ашо ривезь (< белая-лиса) и т. д.; 7) валдо 'светлый': валдо сукс 'светлячок' (< светлый-червь), валдо ям 'кашица, жидкая каша' (< светлый-суп), валдо чиняз 'блондин' (< светлый-князь) и др.

Номинанты, образованные на прямом восприятии признаков именуемых реалий, содержащие прилагательные ашо «белый», раужо «черный», ожо «желтый», тюжа «коричневый», пиже «зеленый» якстере «красный», валдо «светлый» свидетельствуют о сочетаемости определенных лексем, которые, в свою очередь, опираются на их логико-предметные связи. В подобных отношениях участвуют те слова, которые находятся в одной и той же лексической парадигме, обозначающие логически совместимые понятия.

Обилие диалектных наименований одного и того же реалия можно объяснить тем, что в лексике говоров эрзянского языка наблюдается отражение тончайших семантических различий, которые послужили причиной появления большого разнообразия того или иного наименования.

2. Наименования, содержащие прямое осмысление признаков, полученные в результате относительной номинации.

Основной их характерной чертой является то, что номинация дается в связи с каким-либо другим предметом. Например: стойка пицкс (с. Тарасово Атяшевского р-на РМ) «обруч для кадушки» (< кадушка-обруч), трокс вед'ме (с. Алово Атяшевского р-на РМ) «чересседельник» (< поперек-поводок), корга орма (с. Дудниково Теньгушевского р-на РМ) «ангина» (< шея-болезнь), пир'гим йонкс (с. Стандрово Теньгушевского р-на РМ) «радуга» (< гром-сторона), т'икшам кайс'иман' кече (с.с. Мельсетево, Шокша Теньгушевского р-на РМ) «половник» (< щи-наливание-ковш), ётама nardamo (Paasonen) «полотенце» (< лицо-вытирание), kas'ka ezemen' šoško (Paasonen) 'балка в качестве лавки под избой' (< подпол-скамейки-бревно), коткудав веле (с. Телятниково Николаевского р-на Ульяновской обл.)

«муравейник» (< муравей-село), мода потмэн' л'ей (с. Шалкино Павловского р-на Ульяновской обл.) «родник» (< земля-внутренность-река) и др.

3. Наименования, возникшие в результате прямого восприятия вкусовых качеств именуемых реалий.

Номинанты, образованные по данному принципу номинации, в качестве первого компонента включают слова: тантей «вкусный»: тантей нартемкс «полынь обыкновенная» (< вкусная-полынь), тантей чине галань цеця «ромашка пахучая» (< вкусный-запах-гуся-цветок) и т. д.; ламбамо «сладкий»: ламбамо корён «солодка, мокричник» (< сладкий-корень), ламбамо кшумань «брюква» (< сладкая редька), ламбамо сюкоро «лепешка на сметане» (< сладкая лепешка) и др.; чапамо «кислый»: чапамо ведь «квас, слабое пиво» (< кислая-вода), чапамо велькс «сметана» (< кислые-сливки), чапамо кши «ржаной хлеб» (< кислый-хлеб), чапамо ловсо «ряженка» (< кислое-молоко), чапамо ловсо тикше «кислица обыкновенная» (< кислое-молоко-трава), чапамо панго «ложный груздь» (< кислый-гриб), чапамо репс «редька» (< кислая-репа), чапамо тикше «ярутка полевая» (< кислая-трава); сэпей «горький»: сэпей лопа «лопух, лист репейника» (< горький-лист), сэпей марч «полынь» (< горькая-лебеда) и т. д.; коське «сухой»: коське коськелда «сухой лишай», коське сан «сухожилие», коське таз «сухая чесотка», коське сёксень панго «груздь (гриб)» (< сухой-осени-гриб) и др.

Прилагательные ламбамо «сладкий», тантей «вкусный» и чапамо «кислый», сэпей «горький» вступают в широкий круг связей со словами, которые образуют номинанты семантически близкие по функции противопоставления.

Лексический материал, представляющий рассматриваемую группу, в основном охватывает такие тематических группы как названия кушаний, дикорастущих, культурных растений, грибов и т. д. Представим некоторые из них: ламбамо кшумань «брюква» (< сладкая-редька), ламбамо паҗгә (с. Шугурово Большеберезниковского р-на РМ) «сыроежка» (< сладкий-гриб), lambamo kši (Paasonen) «пресный хлеб» (< сладкий-хлеб), lambamo lovso (Paasonen) «свежее молоко» (< сладкое-молоко), lambamo vel'ks (Paasonen) «сливки свежего молока» (< сладкая-сметана), ламбамо с'укорэ (с. Дюрки Атяшевского р-на РМ) «лепешка, испеченная на сметане и масле» (< сладкая-лепешка), ламбамо шкер'ге (с. Челпаново Атяшевского р-на РМ) «щавель конский» (< сладкий-щавель); чапамо кши «ржаной хлеб» (< кислый-хлеб), чапамо тикше «ярутка полевая» (< кислая-трава), чапамо лопа (с. Мокшалай Чамзинского р-на РМ) «лапчатка прямостоячая» (< кислый-лист), чапамо умбрав (с. Луныга Ардатовского р-на РМ) «щавель конский» (< кислый-щавель) и т. д.

4. Наименования, возникшие в результате прямого осмысления признаков именуемых реалий, выраженных через действие.

Данная группа номинантов в эрзянском языке довольно продуктивна. Отличительной чертой является то, что в них в качестве первого компонента участвует отглагольное имя с суффиксом на -ма/-мо: *jarcamo tan's't'* (Paasonen) «аппетит» (< кушанье-сладость), *šukamo k'ev* (Paasonen) «жернов», «ручная мельница» (< встряхивание-камень), *ver'gid'ima kev* (с. Сакаево Теньгушевского р-на РМ) «кремень» (< зажигание-камень) и т. д. Расширяя функциональные возможности отглагольных имен, которым характерна подобная мотивация, данная группа, пополняется образованиями, оформленными в форме причастия. Например: *канды лов* «метель» (< несущий-снег), *чады ведь* «половодье» (< вытекающая-вода). Отметим, что отнесение их к разряду имен, неоднократно подчеркивалось финно-угроведами [1; 5; 7]. В эрзянских говорах они могут быть осложнены суффиксом -вт, -ф / -в, -кс: *ker'avt t'ikše* (Paasonen) «вязель»; «тысячелистник» (< *ker'a* «резать» + -vt + «трава»), *ker'af t'ikše* (с. Шокша Теньгушевского р-на РМ) «вязель», *šaci mastor* (Paasonen) «родина», *пици палакс* «крапива», *пиц'икс палакс* (с. Киржеманы Атяшевского р-на РМ) «крапива», *ašt'i jalga* (Paasonen) «девушка из рода невесты, участвующая в сватовстве».

Отглагольные имена, вступающие в связь на основе грамматической семантики с другими именами, составляют тесное единство. В подобных наименованиях семантический критерий является главным. При определенной сочетаемости компонентов в номинантах, которая оказывает существенную роль на развитие нового значения, в эрзянском языке они фигурируют как самостоятельные имена с конкретным фиксированным значением [4, с. 96].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что в номинантах эрзянского языка, образованных в результате прямого осмысления признаков, с точки зрения семантики наблюдается тесная связь лексического значения слова с конкретными свойствами именуемой реалии. Новые лексемы, полученные в результате лексической сочетаемости, опираются на имеющиеся в языке наименования. Место новообразований зависит от существующих в них отношений и закономерностей в лексической системе языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. – 265 с.
2. Гребнева А. М. Генезис, семантика и диалектная синонимика номинантов ягодной флоры мордовских языков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 10 (66). – С. 53–57.
3. Гребнева А. М. Мордовские фитонимы в системе семантического поля // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19. – № 4 (81). – С. 100–106.

4. Гребнева А. М., Цыганкин Д. В. Интеграционный подход к изучению номинантов эрзянского языка // Интеграция образования. – 2012. – № 3. – С. 91–96.
5. Ледяйкина В. А. Причастия в мордовских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1981. – 17 с.
6. Рябов И. Н., Агафонова Н. А. К проблеме исследования эрзянских диалектов методами лингвистической географии // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса: материалы IX Международного симпозиума / отв. ред. М. В. Мосин. – 2014. – С. 25–31.
7. Цыганкин Д. В. Словообразование в мордовских языках. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1981. – 88 с.
8. Raasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. – Helsinki, 1990-1996.

ДРИГАЛОВА Е. Д., МОСИНА Н. М.

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С СОМАТИЗМОМ «PÄÄ» / «ГОЛОВА» В ФИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматическим компонентом «pää» / «голова» в финском и русском языках с точки зрения адекватности переводческих соответствий. В ходе исследования используется метод компонентного анализа, который основывается на критерии тождества и различия семной организации фразеологического значения.

Ключевые слова: фразеологическая единица, соматизм, голова, финский язык, русский язык, фразеологическая эквивалентность.

DRIGALOVA E. D., MOSINA N. M.

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SOMATISM "PÄÄ"/ "HEAD"
IN FINNISH AND RUSSIAN LANGUAGES: A COMPARATIVE ANALYSIS**

Abstract. The article presents a comparative analysis of phraseological units with the somatic component "pää"/ "head" in the Finnish and Russian languages from the point of view of the adequacy of translation equivalents. The method of component analysis is used, which is based on the sameness and otherness of the semantic structure of phraseological meaning.

Keywords: phraseological unit, somatism, head, Finnish language, Russian language, phraseological equivalence.

Компонент-соматизм (от греч. *sōma* – «тело») – это компонент фразеологической единицы, обозначающий части тела человека и животных. Научные исследования показывают, что наиболее распространенными как в русской, так и финской фразеологии, являются соматизмы-названия наружных частей человеческого тела, функционально очевидных для человека. Это – голова, лицо (составные части – нос, глаз, рот, ухо) и конечности (рука, нога). Соматическая лексика, принадлежащая к древнейшему пласту лексического состава любого языка, издавна была объектом внимания лингвистов. А соматические лексемы занимают особое место во фразеологическом фонде языка.

Соматическая лексика – одна из универсальных лексических групп в любом языке и один из самых распространенных объектов исследования в сравнительно-исторических, структурно-сопоставительных и лингвокультурологических работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов, обычно выделяющих эту лексику первой в лексико-тематической системе любого языка. Термин «соматический» используется в биологии и медицине в значении «связанный с телом человека, телесный» и противопоставляется понятию

«психический». В финноугроведении данный термин впервые был введен в лингвистический обиход Ф. О. Вакком, который рассматривал фразеологизмы эстонского языка с названиями частей человеческого тела и называл их соматическими. Он сделал вывод о том, что соматизмы относятся к одному из древнейших пластов фразеологии и составляют наиболее употребимую часть фразеологизмов эстонского языка [1]. Со второй половины XX века термин «соматический» начинает активно применяться в исследованиях слов, отражающих в своей семантике всё то, что относится к сфере телесности.

Фразеология является одной из самых интересных, а с другой стороны одной из самых мало изученных областей лингвистики. Она способствует более четкому пониманию культуры народа сквозь призму национального языка. В связи с этим исследование фразеологического состава языка представляет особый интерес.

В данной работе мы проводим сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом «рää» / «голова» в финском и русском языках с точки зрения адекватности переводческих соответствий. Актуальность данной темы обуславливается тем, что фразеологизмы с соматическим компонентом представляют большую группу во фразеологическом фонде как финского, так и русского языка, и остаются областью, требующей дополнительного изучения.

Фразеологические вопросы и общая проблема разной сочетаемости слов в разных языках чрезвычайно существенны как для практики, так и для теории перевода: они часто представляют большие практические трудности и пробуждают большой теоретический интерес, так как связаны с различием смысловых и стилистических функций, выполняемых в разных языках словами одинакового вещественного значения, и с различием сочетаний, в которые вступают такие слова в разных языках [4, с. 13].

Большинство исследователей отмечает, что возможность достижения полноценного перевода фразеологических оборотов зависит в большей мере от соотношений между единицами языка оригинала и языка перевода. Таким образом, при переводе выделяют следующую классификацию:

1) фразеологический оборот имеет в языке перевода точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение и различные коннотативные значения);

2) фразеологический оборот можно передать на переводимый язык тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, переводится вариантом (аналогом);

3) фразеологический оборот не имеет на языке перевода ни эквивалентов, ни аналогов и не может быть переведен в словарном порядке [2, с. 40].

Материалом для исследования послужили 42 финских фразеологизма с соматизмом 'pää' / «голова», выделенных нами методом сплошной выборки из фразеологического словаря финского и венгерского языков Ю. Варга и С. Сааринен «Fennizmusok – Finn szólások és kifejezések tára magyarok számára» – «Феннизмы – финские пословицы и устойчивые выражения для венгров» [7]. Русские эквиваленты были выбраны из «Большого фразеологического словаря русского языка» [3] и интернет-источников [5; 6].

В ходе исследования нами было выявлено 17 фразеологизмов, имеющих полные эквиваленты в русском языке, т. е. русские фразеологизмы, совпадающие с финскими по значению, лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре:

1. *Ajatella / mieltiä pää.* букв. 'Обдумывать **головой**'. – 'Думать **головой**'.
2. *Ei mahdu/mene jkn päähän.* букв. 'Не входит / не идет в чью-то **голову**'. – 'Не идет в **голову**'.
3. *Jkta heittää päästä.* букв. 'Кого-то выбросить из **головы**'. – 'Выбросить из **головы**'.
4. *Iskeä / lyödä / juosta / puskea pää (nsä/päätä(än) seinään.* букв. 'Бить / разбить / бодать **головой** стену'. – 'Биться **головой** об стену'.
5. *Nostaa päättä(än).* букв. 'Поднять **голову**'. – 'Поднять **голову**'.
6. *Jklla on kova pää.* букв. 'У кого-то тяжелая **голова**'. – 'Тяжелая **голова**'.
7. *Kääntää jkn pää.* букв. 'Повернуть чью-то **голову**'. – 'Повернуть **голову**'.
8. *Omin päin.* букв. 'Самостоятельно / своей **головой**'. – 'Думать своей **головой**'.
9. *Ottaa jkta päähän.* букв. 'Взять кого-то в **голову**'. – 'Взять в **голову**'.
10. *Pitää pää kylmänä.* букв. 'Держать **голову** в холоде'. – 'Держать **голову** в холоде'.
11. *Potkia päähän.* букв. 'Ударить в **голову**'. – 'Ударить в **голову**'.
12. *Pyöritellä päättä.* букв. 'Вертеть / крутить **голову**'. – 'Вертеть **головой**'.
13. *Pää pystyyn!* букв. 'Держи **голову** вверх'. – 'Высоко держать **голову**'.
14. *Päästä jalkoihin.* букв. 'С **головы** до ног'. – 'С **головы** до ног (с **головы** до пят)'.
15. *Päästä päähän.* букв. 'С **головы** на **голову**'. – 'С **головы** на **голову**'.
16. *Raapia päättään.* букв. 'Почесывать **голову**'. – 'Почесывать **голову**'.
17. *Vetää / vetäistä päänsä täyteen.* букв. 'Забивать **голову**'. – 'Забивать **голову**'.

При анализе финских фразеологизмов было выявлено, что 16 единиц имеют частичные эквиваленты в русском языке, т. е. они совпадают по значению, стилистической окраске и близки по образности, но несколько расходятся по лексическому или грамматическому составу:

1. *Antaa jklle päihin.* букв. 'Отдать кому-то в **голову**'. – 'Вбить в **голову**'.

2. *Antaa / panna pää.* букв. ‘Отдать **голову**’. – ‘Отдать **голову** на отсечение’.
3. *Aukoa / paukuttaa päätä.* букв. ‘Взорвать **голову**’. – ‘Вскружить **голову**, каша в **голове**’.
4. *Jssak ei ole päätä eika häntää.* букв. ‘В чем-то нет ни **головы**, ни хвоста’. – ‘Конца и краю нет’.
5. *Keksiä jtk omasta päästä.* букв. ‘Найти что-то из собственной **головы**’. – ‘Брать с потолка’.
6. *Jklla kusi / pissa nousee päähän.* букв. ‘У кого-то моча поднялась в **голову**’. – ‘Моча в **голову** ударила’.
7. *Nousta / mennä / kahahtaa jkn / jklle päällä.* букв. ‘Подняться / прийти / перейти кому-нибудь на **голову**’. – ‘Сесть на **голову**’.
8. *Pitää pää.* букв. ‘Держать / сохранять **голову**’. – ‘Не терять **голову**’.
9. *Jkn pää on umpiluuta.* букв. ‘Чья-то **голова** банальная, тупоумная’. – ‘Пустая **голова**. Бесталанная **голова**’.
10. *Jkn päään menoksi.* букв. ‘Ходить за чьей-то **головой**’. – ‘Жить чужим умом’.
11. *Jkn päässä on jk ruuvi irti.* букв. ‘В чьей-то **голове** шуруп оторвался’. – ‘Шарики за ролики зашли’.
12. *Jkn päässä on jotain vikaa.* букв. ‘В чьей-то **голове** какая-то неполадка’. – ‘**Голова** дырявая’.
13. *Päässä takoo vain yksi ajatus.* букв. ‘В чьей-то **голове** колотится только одна мысль’. – ‘Одна мысль лезет в **голову**’.
14. *Saada päähän.* букв. ‘Получить в **голову**’. – ‘Брать в **голову**’.
15. *Takoa jtk päähän.* букв. ‘Колотить в **голову**’. – ‘Вбить в **голову**’.
16. *Täyttä päätä.* букв. ‘**Голова** заполнена’. – ‘**Голова** занята’.

В третью группу вошли 11 фразеологических единиц, не имеющих прямых или частичных эквивалентов в русском языке. Однако нами были подобраны соответствия, раскрывающие их семантику, а именно:

1. *Laskea pää(nsä) ikuiseen lepoon.* букв. ‘Опустить **голову** на вечный покой’. – ‘Умереть’.
2. *Ottaa pää täyteen.* букв. ‘Взять **голову** заполненной’. – ‘Пить до мертвецки пьяного состояния’.
3. *Paljastaa pää(nsä).* букв. ‘Раскрыть **голову**’. – ‘Раскрыть / обнаружить себя’.
4. *Jkn pää ei ole tuohesta.* букв. ‘Чья-то **голова** не из бересты’. – ‘Он не дурак’.
5. *Jkn pää on terävä kuin partaveitsi.* букв. ‘Чья-то **голова** острая, как бритвенный нож’. – ‘Иметь острый ум’.

6. *Jkn päättä ei palella / palelee.* букв. ‘Чьей-то **голове** не холодно / холодно’. – ‘Он ничего не боится’.

7. *Jkn päättä ei saa kääntymään.* букв. ‘Чью-то **голову** нельзя повернуть’. – ‘Невозможно переубедить’.

8. *Päättä pahkaa.* букв. ‘**Голова** сучком’. – ‘Сломаю голову, очертя голову, стремглав, опрометью, стремительно’.

9. *Vaivata päättä(än) jollakin.* букв. ‘Беспокоить **голову** чем-то’. – ‘Причинять проблемы, докучать чем-то’.

Исследование и сопоставление фразеологических единиц с соматическим компонентом «päätä» / «голова» в финском и русском языках проводилось с учетом семантического, структурно-грамматического и компонентного уровней. Были выявлены три группы фразеологизмов. Первая и вторая группы содержат полные и частичные эквиваленты в русском языке, на что указывает имеющийся в их составе исследуемый нами компонент-соматизм «голова». Преобладание полных и частичных эквивалентов среди исследуемых фразеологизмов говорит о сходном характере отражения объективной действительности в сознании и в языке данных народов. Также проведенное исследование показало наличие безэквивалентных фразеологических единиц в финском языке, что отражает национально-культурное своеобразие народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таллин, 1964. – 24 с.
2. Джуманова Д. Р. Приемы и особенности перевода фразеологизмов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 630. – С. 39–47.
3. Телия Е. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.
4. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
5. Фразеологизмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Категория:Фразеологизмы/ru>.
6. Фразеологизмы русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://orfogrammka.ru/шпаргалки/фразеологизмы_русского_языка/.
7. Varga Ju., Saarinen S. Fennizmusok – Finn szólások és kifejezések tára magyarok számára. – Turku, 2009. – 457 old.